

ЛИТЕРАТУРА XXI ВЕКА

Надежда Тюленева

**ДЕТСТВО –
НАША КЛАДОВАЯ
СОЛНЦА**

Часть вторая
из книги
«Родные человеки»

КРЫЛЬЯ ДУШИ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

Тула • 2025

Дизайн обложки,
вёрстка и дизайн издания
библиотеки журнала
«КРЫЛЬЯ ДУШИ»

Тюленева Н. К.

Детство – наша кладовая Солнца. Часть вторая из книги «Родные человеки». Исторические записки, – Тула, библиотека журнала «Крылья души», 2025. – 96 с.

Во второй части трилогии автор продолжает описывать атмосферу, быт и нравы ушедшей эпохи XX века, характеры живших в то время людей – о чём они думали, мечтали, как планировали будущее, боролись с невзгодами и старались обустроить в лучшую сторону свою жизнь.

Глава 1 КТО ХОЗЯИН ЗА ПАРТОЙ

Дело понятное, не сразу мы построили в Кургане наш общий «фамильный» дом. Почти три года ушло, прежде чем бабушка Мария Ермолаевна собрала под своё уже ветхое материнское крылышко двух сыновей с семьями и дочь. А до того нам с папой Котиком пришлось ещё помыкаться с квартиры на квартиру, чтобы и по цене сходно, и более-менее удобно, и недалеко родителям до работы, мне – до школы. Менялись номера домов, названия улиц (Омская, 8 Марта, Садовая, Чапаева, Отдыха), оставались неизменны Ново-Северный посёлок; место работы для взрослых – завод № 603; заводской детсад для детей дяди Лёни; для меня – школа-новостройка, железнодорожная № 28.

Наша Раскатихинская по сельским меркам была не маленькой школой. При ней после детского дома сделали интернат для ребят из соседних деревень. Но эта!.. Железнодорожная 28-я потрясла моё воображение. В нашем седьмом-«А» учились 30 мальчиков и девочек, и в каждом ещё из четырёх параллельных классов не меньше. (Все дети были довоенного рождения. Далее пошло на убыль).

Адаптировалась я недолго и безболезненно, просто первое время от меня постоянно требовали: «Говори громче!» Училась поначалу неровно. Полный набор оценок, кроме «пар» и «колов». Ходила в хор с охотой, пока глядя на меня, завуч, симпатичный рыжий молодой человек, не сказал строго, мол, хор – это не цирк, и не надо ничего изображать – ни лицом, ни другими частями тела... Но! – как же можно стоять истуканом, когда такие слова: «Ой ты, радость молодая, невозможная!.. Эх, грянем сильнее, подтянем дружнее!.. Эх, подруга, выходи-ка и на друга погляди-ка, чтобы шуткою веселой переброситься!» Без особого принуждения согласилась быть вожатой для октябрят. Участвовала в классной стенгазете – три тетрадных листочка. Тихоня, однако, «норов» показать случая не упустила. Посадили меня с мальчиком. В первый же раз, когда меня вызвали отвечать к доске, мой сосед решил продемонстрировать, кто хозяин за партой. Получив свою первую четверку, с дневником под мышкой, довольная, я направилась к моему месту. Здесь меня ждал сюрприз. Нога моего соседа оккупировала всё сиденье. И просто взбесил меня этот его

слегка стоптанный вовнутрь полурасшнурованный ботинок. Он так нахально вилялся из стороны в сторону. С ближних парт наблюдали за развитием событий. Вероятнее всего было, что тихоня пожалуется учительнице. Моя реакция оказалась неожиданной для меня самой. Ведь я все школьные годы так и проходила с отцовской полевой сумкой. Три молниеносных движения: сумку – в руки, сумкой – по макушке соседа, сумку – на спинку парты. Сосед безропотно убрал ногу, прилежно повернулся лицом к доске. Сидит прямо и голова слегка покачивается. Учительница, выставлявшая в журнал отмету, распрямилась, с интересом обвела ребят взглядом: «Здесь что-то произошло? Я что-то пропустила?» Класс загадочно молчал.

Глава 2

ТРАУРНЫЙ ПОЧЁТНЫЙ КАРАУЛ

На пятое марта пришлось грандиозно невероятное событие: умер вождь всех времен и народов. В школе, на втором этаже, в длиннущем и широчайшем коридоре-зале (я всё сравнивала с масштабом родной Раскатихинской школы) расстелили красную ковровую дорожку – она, казалось мне, убежала бы за горизонт, если бы не двери, ведущие на запасную лестницу... В начале дорожки установили портрет Иосифа Виссарионовича в раме, которая была обвита собранной в рюши чёрной лентой. Вокруг портрета – горшки с цветущими огненными геранями – снесли со всей школы... Старшекласникам выдали красные повязки с траурной окантовкой и выстроили в два ряда по краям дорожки. Траурный почётный караул. Тишина стояла такая, какой в школе никогда не бывало. Говорили почти шёпотом и ходили только что не на цыпочках. Стоящих в карауле часто меняли. Потому что попробуй-ка постоять неподвижно пятнадцать минут, когда вдруг то в одном месте зачесется, то в другом, то в носу засвербит. Сначала-то думали выставить в караул лучших из лучших (такая же исключительно почетная миссия!) – но дистанция была огромной. И отличников не хватило даже при увеличении интервала между «караульщиками». Присовокупили ударников (четвёрочничко-пятёрочников). Но, учитывая частую смену, надо было иметь хотя бы одну резервную группу. Вообще-то от желающих постоять с траурной повязкой у портрета

Генералиссимуса отбоя не было. Решили привлечь самых высоких мальчиков и девочек. Так попали в караул бывшие ростом выше меня мои одноклассницы Люся Алексеева и Аля Лютвина, с которыми я уже почти подружилась. Мы приходили любоваться на них и говорили, что «наши лучше всех стоят». И тут наша Алечка упала в обморок. «Как переживает девочка!» – промолвила лаборантка кабинета химии Ангелина, быстренько притаранившая медицинского работника. «Да просто она слабенькая, у неё же от физкультуры освобождение, – заметила докторица, – классный руководитель мог бы сообразить?!» Алечку посредством нашатыря привели в чувство и под руки препроводили полежать в медпункт.

Дома у нас о событии разговор не заводился. Хозяйский репродуктор – ещё довоенная чёрная тарелка – был неисправен. А новый мы не успели купить: обживались по очередному адресу.

Собрались ужинать. Отец попросил меня достать из буфета (возле буфета определилось моё место) банку с сахаром: сахарница-то пустая. Коварная банка выскользнула у меня из рук.

Мама ахнула. Отец хлопнул себя по колену: «Ах, ты ж варначка!» Перед моими ногами сквозь россыпь сахарного песка (весь наш месячный, вчера пополненный запас) виднелись голубоватые пики осколков. Я боялась поднять глаза. «Сегодня такой день... – сочувственно сказала мама. – Вся страна в трауре... Даже дети переживают».

«Так что, она из-за переживаний банку-то грохнула?..» – посмотрел на меня с недоумением отец. Мама принялась убирать следы моей помощи. Я осмелилась вставить: «Да, дети переживают!.. Одна девочка у нас, Аля Лютвина, так даже в обморок упала, когда в почётном карауле стояла... А мальчишки... мальчишки – дураки потом в раздевалке, когда расходиться стали, над ней насмеялись!» – закончила я тираду, рассчитывая на отцовское понимание. Но папа Котик произнёс совершенно несуразное: «Нормальные мальчишки».

Несколько дней после этого события в наш класс забегали любопытные – посмотреть на девчонку, которая от переживаний упала в почётном траурном карауле в обморок. Наша Алечка на какое-то время стала знаменитостью. Некоторые учителя поглядывали на неё с возросшим уважением.

Глава 3
«ЧТО У НЕЁ
ПОД ОБЛОЖКОЙ ДНЕВНИКА?»

Классный руководитель, Роза Григорьевна Юдицкая, вызывала желание подчиняться ей безоговорочно. Была она высокой, смуглой, крупные смоляные кудри рассыпаны по плечам, иногда она собирала их в роскошный узел. Замечательного кроя платье из фиолетового кашемира ещё эффектнее подчеркивало её спортивную фигуру. И низкий голос. Никого в классе она не выделяла, а меня так и не замечала вовсе. Ни разу не прокомментировала мои четверочные ответы по Deutsch, который она у нас вела. Ну, так относилась – ни тепло, ни холодно. Впрочем, пожалуй, ко всем. Конечно, я ошибалась.

В субботу на первой перемене дежурный собрал у нас дневники и отнёс их в учительскую нашей классной на проверку и подпись. Раздавала их Роза Григорьевна после уроков сама. Мы подходили за своими табелями, и каждому из нас она находила что-либо сказать. Но никогда мне. И вдруг сегодня: «Знаешь, попроси кого-либо из родителей зайти в школу. Есть разговор».– «Я не «знаешь», у меня имя есть», – строптиво пробормотала я, но, потрясённая самим фактом обращения ко мне, даже не спросила, о чём предполагается разговор. Люся Алексеева посмотрела на меня. Я пожала плечами.

Как правило, по субботам в каждой добропорядочной советской семье дети отчитывались перед родителями за учебную неделю. С меня было довольно сообщения: «Всё – харэ!» Значит, причин для въедливого обсуждения моих учебных дел нет. Знакомясь с итогами моих трудов, отражённых столбцом цифр на последней странице табеля, где троек у меня не бывало, отец с лёгкой насмешкой говорил: «А пятёрочек-то что-то маловато, мила дочь! С прохладцей трудишься. Не пора ли прибавить жару?» Сегодня, вручая свой табель, я передала приглашение классной дамы на беседу. «С чего бы это? – гмыкнул отец. – Уж не вышибать ли тебя собираются, мила дочь?» Я рот разинула от такого предположения: «Ты шо-о, па-ап!» – «Шо или не шо, а вот мама завтра пойдёт и всё узнает. Лучше бы тебе сразу признаться». Слёзы брызнули у меня из глаз: «Папка Котька! Ты мне не веришь?! Не в чём мне при-

знаваться!!!» – «Ну, не в чем – и ладно, иди спать, чадушко!» – отец чмокнул мою макушку.

А маму ждал разговор о «государственном подходе к воспитанию детей в современной советской школе»: чтобы выпускник в конечном счете занял свою нишу и уже сейчас не занимал чужое место в школе. В нашей, 28-й, много ударников, но постыдно мало отличников (даже в траурный почётный караул дорожку не могли заполнить). Значит, учатся ребята ниже своих способностей. Надо уже сейчас, в 7-м классе, определяться – кто «пойдёт на медаль». Такому ребёнку надо и будут уделять особое внимание. Именно эти дети-медалисты составят гордость нашей прекрасной, только что открывшейся школы.

Мама с душевным волнением ждала, к чему такая пафосная преамбула. «Вы хоть иногда берёте в руки дневник вашей дочери?..» – Красавица Юдицкая строго смотрела на мать своей ученицы. Классная перед беседой посмотрела документы девочки... Мать её работала на почтовом ящике контролёром, отец – слесарь монтажного управления... Чего там ждать... Таким следует всё разжёвывать. – А именно в эту субботу вы дневник вашей дочери проверяли?! – с нажимом повторила классная. – Вы ничего не заметили?!» – «Чего не заметила? Вырванных страниц?.. По-моему, таких не наблюдается... Домашние задания заполняет аккуратно... Двоек, во всяком случае на прошедшей неделе, не было... Или Надя их скрыла?» Юдицкая, начиная выходить из себя, выпустила новую обойму вопросов: «А на обложку, обложку дневника вы обратили внимание; щупали, что ваша дочь прячет под обложкой?!»

«Вы меня пугаете, – улыбнулась родительница, – что она там может прятать, не презервативы же!» – «Ваш юмор ужасен!» – позволила себе выйти из себя классная дама.

Заинтригованные коллеги Юдицкой, даже те, кто приготовился уходить, усердно закопошились в своих сумках и портфелях.

Родительница предложила: «Давайте я схожу за дочкой, или пошлите за ней кого-нибудь – пусть придёт сюда со своим дневником, и мы все вместе посмотрим, что там таится у неё за обложкой?» – «Нет уж, отправляйтесь домой и разбирайтесь с этим безобразием дома. И подумайте над тем, что я вам говорила. Это магистральная линия педагогического совета. Переведу для непонятливых: вашей до-

чери надо постараться без проблем закончить неполную среднюю школу и поступить в педагогическое училище. Это её потолок! Вообще она у вас инфантильная какая-то девочка». Обескураженная мама ответила словами, которые заставили находившихся в учительской недоуменно переглянуться: «Разве вы не считаете, что каждый ребенок имеет право на свои маленькие тайны? Своё личное пространство? И что наша девочка – самая худшая в классе, что так остро вопрос именно о ней?» – «Надо же с кого-то начинать! И не обязательно с самых худших. Надо, знаете ли, уважаемая мамаша, чувствовать пульс времени!» Роза Григорьевна ощущала, что взяла верх в диалоге с «невнятной» родительницей. «Да вы знаете, я и собственный-то пульс, кажется, теряю от нашего разговора...» С этим моя мамочка и вышла. Я ожидала её у выхода.

«Шо-о, мам?!» – уцепилась я за её рукав, едва вышли на улицу.

«А ты как думаешь, «шо»? Учишься слабо – вот «шо». Слабаков будут отсеивать – пусть в училища идут. А школе – нужны медалисты. Те, кто точно поступят в высшие учебные заведения. Троечникам об этом и думать нечего! Ну что запыхтела?» – «Мам, да ты шо! 120 медалистов – с одного выпуска?! А по Союзу?! То ж сколько золота-серебра надо извести!» – «Озаботилась! Ничего, у нас недра богатые, на такое благородное дело страна не пожалеет драгметаллов!» – «Ну-у, я не зна-аю...» – «Да, вот такой курс взял ваш педагогический совет. Так что ты уж постарайся!»

По поводу этого курса отец сказал: «Это явный залёт, конечно... Однако, относительно тебя, мила дочь, и правда, не три, но одну шкуру спустить вполне приемлемо...» В деревне однажды я увидела на овцеферме, как спускали шкуру с барана. Сравнение до слёз оскорбило меня, и я молча удалилась. И долго ещё не могла простить отцу таких кошмарных слов. Мама тормозила меня: «Да хватит уже губы дуть – это же поговорка. Вот даже в басне слова есть: «Да я семь шкур с тебя спущу и голым в Африку пущу». – «В Африку – это здорово!» – засмеялась я и перестала сердиться на отца.

Глава 4

СЛАВА БОГУ, НЕ «ВЫШИБЛИ»

Отец уезжал в своё СМУ очень рано – управление выделило для этого автобус, и он забирал своих работников в условленном месте. Опоздавшему на рейсовом городском к началу смены было бы в любом случае не успеть: ходил рейсовый – всегда переполненный – редко, да, случалось, и барахлил в дороге. Я училась во вторую смену, но «ещё полчаса» понежиться сегодня мама мне не дала, смеясь, сказала: «Про магистральный курс вашего педсовета помнишь? Вот и «за работу, товарищ!» А пока ты завтракаешь, дай-ка я посмотрю твой табель».

«Та ты ж его в субботу смотрела, мам! Там ничего нового. Ну, – на...» С тарелкой рисовой каши и кружкой ячменного кофе я пристроилась возле мамы. Она полистала табель и уже совсем было закрыла его со словами: «И, правда, молодец! Хорошо на прошлой неделе училась, – но тут ощутила пальцами припухлость последней обложки, – Ой, что это такое у тебя там интересенькое? Можно, я посмотрю?» – «Та смотри. Шо, мне жалко?»

Из-под коричневой пергаментной обёртки высыпались разноцветные вырезные бумажные фигурки: клоун, летящий за воздушным шариком; Яга в ступе; велосипедист под зонтиком; балерина; бесёнок в полумесяце; бабулька с коляской, из которой голова младенца и ручки торчат; масса снежинок... «И это всё ты?! Красота-то какая! – восхитилась мама, – и когда успела? Небось, под партой во время урока?» – «Да ты шо, мам! Хиба ж я зовсім дурна дитына... У меня для этого специальный час, вожатский, есть – вот там всё и сотворю. Главное-то в чём, надо – вырезать, не отрывая ножниц от бумаги. Вырезать «в один присест». Ну, раздругой, чтобы где-то в серединке дырочку сделать, можно и оторваться... Даже мальчишки пристроились к девочкам». Мама рассмеялась: «Ах, как ловко у тебя получается! Я тоже с удовольствием походила бы на твой вожатский час!»

Мама уже натягивала старенькие свои сапожки с новыми набойками. «Да вот ещё ходить – ноги бить! – сказала я, – если хочешь, мамуська, я тебя дома научу». Мама уже была в дверях, и мы обменялись воздушными поцелуями.

Короче, никто, конечно, меня из школы и не собирался вышибать. Закончила я седьмой не пятёрочницей, но троек не было, да и четвёрок, по моему разумению, обнадёживающе мало.

Глава 5

МЕРТВОРОЖДЁННАЯ ЖЕ БЫЛА ИДЕЯ!

На летние каникулы наш биолог, старенькая Мария Михайловна Авдеева, попросила детей из частного сектора разобрать по домам на лето школьных кроликов. Не было в штатах школы такой единицы – чтобы ухаживать за кроликами, а технички отказывались. Я была сознательная девочка и принесла чудо хорошенькую, молоденькую парочку. Мы тогда арендовали полдома на улице Омской – в полтора этажа: нижний был наполовину в земле, – там у нас располагалась хозяйственная часть. Стоял котёл, которым отапливался дом. Хранились овощи, стирали белье, и даже иногда можно было помыться. Считалось, что это кухня. В неё можно было войти со двора, а из неё подняться по лестнице в комнаты. В одной жила наша семья, в другой – младшая мамина сестра, а моя крёстная, Галя, с мужем Андреем и маленьким сынишкой – одуванчиком Жеником. Только он и его мамочка пришли в восторг от моего приношения. Папа Котик прямо пронзил меня своим взором: «Маме нагрузку принесла?» Я возопила с прижатыми к сердцу ладонями: «Та ты шо, папа Котик! Та хибя ж я малэнька! Всё-всё сама буду робыть!!! Я ПлоконсуРтироваРась – чего им вредно. Знаю, как кормить, ухаживать и всё такое!.. Разреши, папочка, поверь мне – я справлюсь!!!»

«Вот хитрованка: сначала принесла, а теперь так умильно разрешения спрашивает!.. Почему не сказала Марии Михайловне, что должна посоветоваться с родителями?.. Постеснялась или испугалась? Или даже не подумала – ты же у нас сама себе хозяйка? Да ты пойми, мы же не в своём, а в чужом доме живём. Твои паршивцы – мина замедленного действия, мила дочь! Ведь они – плодятся, а ещё роют – у нас пол-то в кухне земляной; а ещё – грызут, а стены на кухне фанерой облицованы – грызи не хочу!» – «Ну-у, пап, мои паршивчики щэ таки малэньки! Шо воны там могут погрызть?!» – пыталась я рассмешить отца. «Глупенькая ещё ты, – вздохнул отец, – да что теперь, раз уже принесла... Как говорится, крольчат по осени считают».

Осенью, то есть в конце августа, оказалось, считать практически нечего. Из четырёх рождённых уцелел один детёныш. Одного съела сама крольчиха. Два жили недолго и вскоре умерли один за другим. «Ма-ам, ну что я делала не та-ак?! – рыдала я, как безумная, над очередным трупиком. – И травку им хорошую рвала, и на солнышке её подвоялива-

ла, и гулять их на солнышко выносила, и в уголке их убирала... ну, в чём причина? В чём я виновата?»

Отец меня не утешал. Сказал: «Не рыдай. Ни в чём ты не виновата. Сама идея – мертворождённая. Для бедных кроликов – сплошные потрясения. В одном месте не успеют обжиться – их в другое тащат. Там они только деток заведут, как все начинают маленьких руками хватать, глазеть и галдеть вокруг них... А матери-крольчихи этого не переносят. Потому твоя съела собственного детеныша». – «Дура! – в слезах вскричала я, – только раз всего я и показала её крольчат. Люсе Алексеевой – так она ж такая хорошая девочка!» Папа безжалостно продолжал: «И это ещё не конец мучений этой несчастной пары. Ведь через несколько дней ты должна вернуть их обратно с их последним ребёнком. Куда?! В огромный неотапливаемый амбар, где сквозняки летают, как «скитальцы морей альбатросы». Я заходил недавно, интересовался насчёт зимнего проживания кроликов – никто и не думал ничего утеплять, перестраивать, запастись корм на зиму... Передохнут все с приплодом уже в конце сентября. Это, что ли, трудовое такое у вас воспитание, да?» – «Да-а, папочкин, в «Пионерской правде» писали и «Пионерская зорька» передавала, как ребята даже целые фермы кроличьи при школах устраивают. Во-от! А ты не веришь!..» – «Так уж наверняка это в каких-то больших сёлах, где всем этим занимаются специалисты, деньги на это выделяют... А ребята приходят только помогать. Ну, а в городской школе может быть разве что живой уголок».

Я уже просто редела в голос. «Не базлай! – вон кролики твои вздрагивают. Сейчас умрут от твоих воплей». Я зажала ладошками рот и пошла продолжать реветь на улицу.

Как отец сказал, так оно и вышло. Незаметно для всех канула та кроличья история в Лету. А мне остались только воспоминания.

Жили мы тогда на улице Омской, как раз напротив госпиталя. В глубокой канаве, что отделяла его от шоссе, было много мягкой густой травы – туда я и выносила в корзине гулять моих длинноухих прыгунов. Тут же, неподалеку от въездных ворот в госпиталь, стоял уютный деревянный домик, просто игрушечка, водоразборной колонки. Домик был на кирпичном фундаменте, сложен из просмоленных шпал, имел одно небольшое окно с форточкой, которая была врезана внизу рамы. На уровне фундамента наружу была выведена труба. В окошечко отдавали талончик на воду. В под-

ставленное ведро отпускали воду. Моя обязанность была приносить её домой. Два раза ходить с одним ведром, – когда есть коромысло? Но ведра были большие и явно не в подъём, да ещё ведь я пыжилась идти с ведрами на одном плече – красиво. Красиво, как получалось у мамы. Но я горбилась и, стараясь держать равновесие, извивалась под коромыслом, не приведи Бог как. Отец увидел и на следующий день принёс ведёрки поменьше. «Пап, ты шо?! – возмутилась я. – Это ж скока бесплатной воды будет пропадать!» Отец только посмеялся: «Но твоё здоровье мне всё же дороже, мила дочь».

Эти ведра я ставила на полу, рядом с обиталищем моих ушастиков, живущих под лестницей, что вела наверх в комнаты и была отгорожена от остального пространства кухни фанерой. Я специально ставила ведра вплотную к фанере, чтобы она покрепче держалась. Мне и в голову не пришло, что кроликам ни к чему толкать, упираться, чтобы отодвинуть стенку – они просто махнули через неё, угодили прямо в ведра, потом выскочили из них и, потерянные, начали шлепать и метаться по кухне, оставляя за собой лужи. И талончики кончились. Отец молча протянул гривенник: «Одна нога здесь – другая там. Воды на чай не осталось».

Те, кто не хотел платить за воду, брали бесплатную из своих колодцев. Частных домов в Кургане было во много раз больше, чем казённых двухэтажных, и пользовались горожане, в основном, колодезной водой, тем более что и колонок-то на весь город было девять.

...Их ребенок ещё ковырялся в земле. «Только не вспугнуть, – подумала я, на цыпочках приближаясь к лестнице, – и схватить за уши покрепче сразу». Но только и успела, что подумать. Ведро с бесценной водой навернулось под лестницу; вырытая земля под напором воды хлынула в нишу, унося с собой несчастного крольчонка. Из меня вырвался вопль отчаяния. Когда отец спустился вниз, я уже сидела под лестницей и сушила тряпкой мокрого грязного крольчонка. Из ниши пробился к центру кухни чёрный ручей.

До сих пор удивляюсь, как у отца, многолетнего ГУЛАГовского сидельца, в подобных ситуациях ни разу не сорвалось на меня солёного слова. Он и тут только крякнул и, поднявшись обратно в комнату, сказал маме: «Иди, Женюша, полюбуйся, как там наша мила дочь управляется». Я встретила маму отчаянным криком: «Я как лучше хотела!» – «Да кто же сомневается, донька», – ответила она и стала помогать мне.

Глава 6

ОТЛУЧЕНИЕ ОТ МАТЕМАТИКИ

Ав восьмом классе во второй четверти учительница математики Елена Васильевна Кишмирешкина отлучила меня от всех своих уроков: алгебры, геометрии, тригонометрии. Поделом, конечно.

Была у неё иезуитская привычка слабых учеников так вызывать: «К доске-е... пойдё-о-от, – длинная пауза, потом нараспев сладким голосом следует фамилия несчастного или несчастной, – Бе-ло-бо-ро-о-о-до-о-ва-а, или – Ко-чка-ри-о-о-о-ов, или – Ли-и-си-хи-ина-а», – мороз пробирал по коже бедняг. А тут Елена Васильевна призамедлилась, звонок прозвенел, а её всё нет. Ребята стояли возле своих парт в ожидании. Как же обезьяне не воспользоваться удобным моментом! Я выскочила к учительскому столу, начала водить карандашиком по воображаемому списку и заблеяла, копируя интонацию Кишмирешкиной: «Пойде-о-от к доске-е... Га-ан-цо-ова-а...» У меня это весьма удачно получалось... Однако, чего это никто нынче не смеётся?.. Обернулась к дверям – в проёме она, наша математичка. Лицо бледное, в глазах – огоньки хищника, готового сцапать свою жертву. Меня как ветром отнесло к моей парте.

Урок начала с приговора: «А ты, девочка!.. Выйди за дверь!.. Завтра – к директору с родителями!.. Иначе до всех своих уроков не допущу – до конца четверти». Я выскользнула за дверь. А что стоило тут же извиниться?!

История, странным образом, долгое время оставалась под спудом... Ни учительница, ни ученики не выносили сор из избы. Задания мне передавали одноклассницы, как правило, Люся Алексеева, неизменная пятёрочница, которая шпарила все годы без единой четвёрки. Уж её-то фамилию Елена Васильевна проборматывала почти невнятной скороговоркой: «Пойдёт к доске Алексейва». Мою, кстати, тоже не распевала.

Раскрылось всё нестандартно и довольно скоро. Обычно я переживала уроки математики или в «предбаннике» перед спортивным залом, или в гардеробе, и как-то никто меня не застучал. Читала или рисовала на клочках всякую ерунду. Случалось, и шаржи. Однажды, весьма удачной вышла карикатурка на нашу «Елену Прекрасную».

Как-то наш класс дежурил по школе. Нам с Люсей указали площадку перед лестницей на первом этаже – надо было от-

лавливать мальцов-удальцов – любителей съезжать по перилам. В Кургане тогда наперечёт были даже двухэтажные дома, поэтому покататься на перилах было редким удовольствием для мальчишек. Да иные девчонки тоже не гнушались такой забавы.

Дежурным запрещалось «на посту» читать или готовиться к очередному уроку. Надо было бдеть. Поднимаю глаза – сверху наша Кишмирешкина спускается. Вот она на уровне лестничного окна. День погожий, яркий. Солнце щедро льётся сквозь чистое стекло. Наша Елена, как на рентгене, просвечивается в потоке света. Приземистая, широкая. Под вишнёвым крепдешинным платьем нет сорочки. Ясно просвечивается фигура в толстых до колена рейтузах. Это платье она носит, не снимая, не помню сколько времени. Грудь залоснилась, и Елена стала надевать сверху неопределённого цвета джемпер. Но он не намного ниже того места, которое называется талия, и штанишек не камуфлирует. Мы с Люсей переглядываемся. Но нам почему-то не смешно. Однако, во время очередной засидки перед спортзалом, огрызок моего карандаша не преминул запечатлеть момент. Ну, начеркала да и начеркала. Сунула в дневник. Который, кстати, никогда не был предметом ревнивого внимания моих родителей. Четверть я заканчивала без троек. Правда, отец, слегка крикнув, смотрел на меня с усмешкой: «А пятёрочек-то опять не густо, мила дочь. Получше-то не получается?»

В этот раз отец был на сверхурочной работе (монтировали где-то что-то новое), дневник взяла мама. Выпала эта скабрёзная картинка. Мама без труда «опознала» оригинал. С ужасом посмотрела на меня: «Представляю, вот так бы изобразил меня кто-то из моих учеников... Да впору утопиться!..» – «Ну, шо-о ты, мам!.. Прямо топиться... Я же никому эту... как её... картинку не показывала...» – «Картинку! Картинку-омерзину. Ещё бы до этого додумалась!.. А ты знаешь, что муж Елены Васильевны на войне погиб? И она осталась одна с больным сыном?.. Сейчас это взрослый парень, а как малое дитя. Ни ходить, ни даже покормить себя сам не может... И вот она приходит после уроков – и не знает, бедная, за что ухватиться... Надо сыном заняться, накормить это взрослое дитё из ложки, бельё поменять, самой хоть чаю выпить... И потом ещё тетрадки проверить, и к урокам на завтра приготовиться!..»

Красная, как переспелый помидор, шёпотом я прибавила: «А ещё гардеробщица говорила, что она и к нулевому

уроку приходит, чтобы с отстающими заниматься...» Тут-то я призналась маме, что отлучена Еленой Васильевной от её уроков. И за что. «Да ты не чудо, чадо, а чудище! – ужаснулась мама, – вот теперь реально вылететь тебе из этой прекрасной школы. За оскорбление учителя. И свидетелей целый класс. На твоих родителей, поскольку ты несовершеннолетняя, даже в суд могут подать». – «Кто-о? – выпучила я глаза. – И в турму посадят», – страшное это слово «турма» засело в моей детской памяти навечно, причём именно в этой транскрипции, как произносил его цыганёнок Яша. «До «турмы», может, дело и не дойдёт, но позора не оберёшься. А ещё октябрятская вожатая! – мама небожно потаскала меня за косы из стороны в сторону. – Эх ты!» – «А папе Котику... рассказывать... будем?» – «Вообще-то у нас с твоим папой договор с самого начала, как только поженились: никаких тайн друг от друга!» Я тяжело вздохнула: «Ма-ам, ну это же не какая-то там, ну, прямо та-айна, ну, там секрет... – и с какой-то надеждой произнесла, – так это ж вы поженились и уговорились, а не я... ну понятно, вы же – муж и жена...» Мама засмеялась, но смех её был уж очень каким-то обидным.

...В школу я пришла до начала нашей смены. Почему-то у меня были ледяные ладони, и по спине сквозил холодок. Тут я увидела «нашу Елену», она выходила из раздевалки с двумя сумками: в одной – тетради, в другой – какие-то пакеты и буханка хлеба. Понятно: нет же сил вечером, после уроков, ещё в магазин заходить. Я приблизилась к математичке, и мы встретились глазами. Я не могла ничего сказать, потому что так и не нашла слов, достойных передать степень моего искреннего раскаянья. Но чувствовала, что слёзы мои совсем близко. Что чувствовала наша «Кишмишка», не знаю, мне казалось, она должна была ненавидеть меня. Но она просто протянула мне одну из тяжёлых сумок: «Ну что, артистка, поможешь? – я радостно перехватила ношу из обеих её рук, ведь моя полевая висела у меня на плече. – Значит, в артистки собираешься? Театра или кино?» – «Та вы шо, Елена Васильна! – ах, как бы хорошо было тут же, в сей миг сгореть и лёгким дымком растаять в воздухе, – та я так покривлялась трошки, Елена Васильна! – и наконец-то, наконец-то я выдрала из своего нутра эти два тяжелейших слова, – простите меня!..» – «Нет, ты-таки артистка! Зачем ты волочишь мои сумки в класс, Надя! В учительскую носи. «Покривлялась она трошки!» – «Так Елена ж Васильна, шой-

то все такие смурные сидели... И потом – это ж кровь предков во мне ихрает – у меня прапрадед во Владивостоке цирковым клоуном был...» – опять эта невыносимая «скалка» из меня вылетела, которой меня мама по уху «приласкала», когда я вместо пельменей не знаю что из теста лепила, и стала я после этого навек карнаушкой! Что это я молочу, зачем?! Никакой же прапрадед не был у меня циркачом, а папин папа был простым флотским портным!.. Елена Васильевна согнутой в локте рукой ухватила меня за голову и крепко притянула к своей груди. «Какие сильные у неё руки!» – удивилась я. От её джемпера пахло жареным луком. Так остро, сколько помнилось, мне ещё никого не было жалко.

Глава 7

ГУЛЯЕМ НА СВОИ, «КАРТОФЕЛЬНЫЕ»!

В девятом классе нас отправили на уборку картошки в деревню Глинки. Для меня, деревенской девочки, в этом ничего неожиданного и интересного не было. Один раз отпустили на побывку-помывку, чтобы к вечеру вернулась обратно. Обычно «малоежка», я метала со стола всё подряд: щи, кашу, арбуз и от компота не отказалась, и всё с добавочкой. Мама смотрела на меня во все глаза и под конец, не выдержав, спросила: «Донька, тебе плохо не станет?» – «Та ты шо, мам! Теперь когда ещё так вкусно поем! И пока доберусь до этих Глинок – всё во мне утрамбуется».

Ещё момент – никакого учителя, помнится, к нам приставлено не было. С нами толково справлялась Ида Саранских, наш староста. Почему-то слушались её все мы без выпендрёжа. И не только потому, что она выглядела внушительнее всех нас. И не кричала она никогда. И не применяла убийственных выражений. Задания её были разумны, требования справедливы, оценки наших усилий объективны. Чтобы привести «в чувство» строптивца, Иде достаточно было посмотреть сквозь длинные белые ресницы, чуть прищурив зелёные свои насмешливые глаза. Во взгляде читалось: «Ну, давай, давай ещё повыкидывайся, покажи, какой ты маленький дурачок...» Наша Ида просто хотела, чтобы мы реально заработали. Мы и заработали. Это были наши первые заработанные, пусть и небольшие, деньги. Правда, расплатились с нами лишь к Новому году. «Выбивать» расчёт отправилась «команда» лыжников – мы просто жаждали получить

свои денежки к Новому году, чтобы устроить настоящую вечеринку на «свои», а не на родительские деньги. В бухгалтерии нам было сказано, что желающие могут получить расчёт натурпродуктом. Поскольку школа была железнодорожной, некоторые ребята с разъездов, жившие на частных квартирах, предпочли именно «натурпродукт». Например, моя тёзка, обладательница незабудковых глаз, Надя Гладкова, жившая в семьях наших одноклассниц – сначала Нади Ленковой, потом Нины Казанцевой – «отоварилась» двумя мешками отменной картошки, так что проблема питания для неё была, в основном, решена до весны. Ну-у, картоха есть – остальное как-нибудь приложится. Такие ребята предпочитали на выходные или праздники уезжать домой. Всё же набралась компания желающих посидеть «как порядочные», по-взрослому, за новогодним столом.

Где собраться – не стало нерешаемой задачей. На ул. Отдыха, в доме рядом со школой, в котором жила большая дружная семья Белобородовых. Мне казалось, Галя была у нас самой заводной, в смысле, мгновенно зажигающейся. Высокая, тонкая. Движения порывистые, всё что-то длинными руками, в безукоризненно белых манжетах, жестикулирует. Упругие рыже-каштановые вьющиеся волосы пытались вырваться даже из туго заплетённых кос. Быстрые глаза её цвета спелого каштана всегда были готовы удивляться, радоваться, возмущаться. Белобородовы строили на своей усадьбе рядом со старым небольшим домиком новый – такой большой, чтобы все под одной крышей: родители, два взрослых Галиных брата, «ну все-все-все!», рассказывала нам Галя. Дом был уже под крышей, застеклён, отапливался, даже кое-что из мебели поставили. Но пока в нём не жили. И вот Галя попросила родителей, чтобы нам дали возможность устроить как бы маленькую репетицию новоселья. Родители вроде сначала растерялись от такой наглости своей младшенькой, но братья поддержали сестрёнку и даже поручились. И всё получилось распрекрасно.

Вместе с тем, ничем особенным не запомнилась наша вечеринка. Не потребовалось от нас, по сути, и никаких затрат. Вроде картошка была тушёная на шкварках, безумно ароматная, просто воздушная какая-то. Масса всяких солений, запомнились грибочки, которые братья Белобородовы великие мастера собирать были. Насчёт спиртного – весьма умеренно, было немного сладкой домашней не то настойки, не то

бражки. Помню, что у меня от гранёной стопки, казалось, безобидного почти «кваса» стало горячо в ушах и отяжелели ноги. В голове было шумно, в душе – весело. Включили радиолу. Кто-то пошёл танцевать... Ничего толком не помню. Чаю уже не хотелось ждать, кстати, печенья, пряников и конфет мы купили на наши «картофельные» деньги, в складчину.

Глава 8

НЕ РЖАВЕЕТ И НЕ СТАРИТСЯ

Нам было домой вместе в одну сторону с Люсей Екимовой. У Люси рано умерла мама, отец женился на «тете Фане», о которой Люся говорила не иначе как «эта Фана». Они с «этой Фаной» не очень-то любили друг друга, Люся просто не хотела с ней никаких объяснений, и мы удалились пораньше. Галя Ананьева и Лёша Храмов пошли нас проводить. Галя с мамой и сестрой жили в угловом домике напротив Белобородовых, а Лёша – через озеро, ближе к железной дороге. Было понятно, что ребятам просто нужен был повод, чтобы поскорее уйти. Они проводили нас совсем недалеко, и мы расстались. Когда вы шесть дней в неделю проводите по 6–7 часов вместе, вряд ли можно что-то скрыть. Но не помню, чтобы наши влюблённые пары, которые, как подснежники, ближе к весне начали появляться то в одном, то в другом классе, становились объектами насмешек. Разве что просыпалась у кого-то лёгкая белая зависть – что же, мол, со мной-то ничего подобного не происходит? Уже забегая вперёд, скажу, что у нескольких пар школьная влюбленность вскоре после получения аттестата зрелости беспрепятственно перетекла в гармоничную семейную жизнь. Как у наших Храмовых: Лёши и Гали. Они потом и работали вместе – до последнего дня на заводе медицинских препаратов. Здесь трудились ещё две наших одноклассницы – Галя Белобородова и Рая Новгородова. Как же радостно мне было узнать, что все они пребывают под крылом нашей Люси, Людмилы Константиновны Алексеевой, в замужестве Чумаковой, главного инженера Курганского завода медицинских препаратов.

Помню, Люся приняла меня в своём рабочем кабинете, высоком и просторном, как зал, с громадными окнами, залитом потоками света, в обеденный перерыв и попросила по селектору зайти к ней наших одноклассников. То-то было

радости и объятий, и галопом каких-то воспоминаний, и сообщений – кто и где сейчас из наших, и сколько у кого наследников... Смеясь, Люся сказала, что в такой ситуации «грех не нарушить!» – появились крохотные мензурки, следом небольшой, уж не помню какой формы, с разведённым спиртом сосуд и, тоже не помню с чем, бутербродики.

Он был такой коротенький, этот обеденный перерыв, и уже смотрит выразительно Люсенька на часы, что означает сакральное для всего СССР «За работу, товарищи!» Товарищи пламенно обнялись на прощание. Действительно, все мы виделись тогда в последний раз... Был слух, что подозрительно рано уходят в мир иной труженики этого завода, дарящего людям жизнь своими антибиотиками. Вот есть ведь выражение: «нас спасающие не спасаются...». Библейская загадка?

А мне на память о той встрече осталась пара стеклянных ботфортов. Прямо как настоящие! Со шпорами. Они переливались всеми цветами радуги. «Наши ребята-стеклодувы такие сувениры играючи выдувают. Дарим гостям, как «представительские». Ну, тебе, Надюша, не могу не подарить!» Я была уверена, что мы будем встречаться каждый мой отпуск... Увы, они уходили безвременно один за другим, мои ровесники, одноклассники, первые медпрепаратовцы... Мы не успевали прощаться...

Глава 9

«ТЕАТРАЛКИ»

А пока продолжался прозрачный декабрьский зауральский вечер, приближавшийся к полуночи... Хрустел и скрипел под ногами, как наминаемая для посола капуста, снег. Было безветренно, звёзды шуточно перемигивались на совершенно безоблачном небе. Задрал свой курносый нос и словно что-то высматривая среди звёзд, Люся возгласила: «Астрономом хочу стать... Надо бы точнее узнать, в Томском политехническом такой факультет есть?» – «Про твой не знаю, а вот мой медицинский – точно есть!» – последнее моё решение было – лечить людей, как моя бабушка Александра Яковлевна, и учиться именно в Томске, где учились два родных её брата – Иван и Афанасий, по заданию которых она, юная Шурка, приехав в Томск на каникулы из Челябинского Каштака, бегала по ночам, разносила листовки.

«Ты в каникулы что будешь делать?» – спросила Люсю. «Что-что?! – всхрикнула она отрывистым басовитым смешком, – задачки решать! Иного не дано!» – «В каникулы?!» – «А ты что думала? Мне математику-физику так надо будет сдать, чтобы точно по конкурсу пройти! И стипендию получать!» – «Мамин завод культпоход в театр устраивает, – родители билеты отдали... Может, пойдёшь? Чего тебе бесплатно-то не сходить! Театр только открылся, говорят, как дворец! Неужели не интересно?» – «Представь: мне интереснее головоломные задачки решать. Мне «Кишмишечка» специальный сборник дала, – вообрази: она сама его несколько лет собирала!» «А чего бы не пойти твоим родителям? Молодые ведь...» – «И ты вообрази: отцу – не в чём, выходного, для театра, костюма пока нет. Рабочую одежду ему мама каждую субботу стирает, а рубашечки каждый день свежие! – он у нас на работу соколиком идёт. Да и у мамы – единственный выходной костюм, в Остре, когда мы на Украине жили, сшитый». – «Ну, позови тёзку мою, Люсю Алексееву». – «Да уж позову – жалко же, билеты пропадут. Можно подумать, нас прямо осыпают билетами в театр каждую неделю!»

Незаметно мы дошли до Люсиного дома, и я вприпрыжку устремилась к нашему «новому ковчегу» – таким мне казался огромный и красивый наш «фамильный» дом. Все окна его светились. Значит, никто и не думал спать. Дружно готовились к Новому году.

...Подумаешь: ни домашних у большинства телефонов, ещё в нашем Кургане и будок-то с телефонными автоматами не было, что там говорить о каких-то сотовых! Прекрасно обходились между тем, и очень редко кто куда опаздывал. Обещала я Люсе Алексеевой, что зайду за час до спектакля, так и возникла, как штык, на пороге её домика на улице Петропавловской. А пришлось мне чесать преизрядно – по диагонали нашего озера, протоптанными в снегу тропинками. И хорошо, что пришла с запасом. Люсенька ещё прихорашивалась, навивая пряди белокурых волос у висков на разогретый металлический конец школьной ручки. Завлекашки получались умопомрачающие. Отглаженное коричневое платье с кружевными манжетами и воротником висело на спине кровати. «У тебя обновка – здорово! Мне цвет тёмного шоколада очень нравится», – похвалила я, никогда не едавшая такого шоколада. Тётя Катя, Люсиная мама, убирала в это время со стола покрывало и простынку, на которых

гладила Люсино платье. И тут они как-то подозрительно понимающе переглянулись и весело засмеялись. И ещё ярче стали похожи друг на друга: ямками на щеках, смешинками в блестящих, серых в синеву глазах. «Что, Люсь, расскажем, как обновы делаются?» – с особым каким-то значением посмотрела тётя Катя на дочку и опять засмеялась. А Люся просто захотала: «Давай, мама, раскрывай секреты! Вдруг пригодится!» Началось воодушевлённое повествование. «Я своим ребятам всё сама и всегда с запасом шью: Виктору – брюки, Люсе – платье, сарафан, по бокам, в подоле – да везде припускаю. Это ж какие деньги надо – к каждому 1 Сентября новую форму шить! А Люся – она ж вертячая, я посмотрела нынче на её зелёную форму, а подол-то сзади, ну, просто ветхий стал! – и чего ей за партой не сидится спокойно? Ну отпорол низ, распустила припуск в боках и внизу подола, то же с верхом сделала, зеленое в коричневое перекрасила, ткань разгладила и наново сшила – только заднее полотнище передним стало... И ещё раз отгладила».

Люся закончила с причёской и натягивала платье. Когда она застегнула последнюю пуговицу и повертелась перед нами, я ахнула. А что удивляться, Люся отменная танцунья была, с семи лет ходила в танцевальный кружок, в старших классах – в ансамбль при Дворце культуры железнодорожников, знаменитый на Южно-Уральской железной дороге, Елены Никитичны Сабатиной. Любовно оглядывая дочку, тётя Катя сказала: «А нашему вору всё в пору! Всего-то и дел было: ночь не поспать да день покрутиться! И девчонка как картинка!.. Ах ты, батюшки, Надя, да чего ж ты в пальто и стоишь как чужая!» – «Так надеюсь же, что картинка, наконец, оформится! Люся ваша и, впрямь, чистая картинка! – искренне похвалила я. – Так мы пошли, тётя Катя?! До свиданья!» – «Счастливо, красавицы!» – пожелала нам Люсиная мама, закрывая за нами двери. «Почему же провожает она нас, а у самой – глаза на мокром месте? Может, показалось мне...» – подумала я.

Каково это – дожидаться рейсового автобуса, когда их всего два на маршруте, а маршрут единственный в городе – «вокзал-рынок»! Но нам с подружкой сперва надо было добежать до пешеходного моста над нашей узловой станцией Курган, преодолеть этот длиннющий и высоченный, продуваемый всеми ветрами, мост, выскочить к выходу на перрон к этой самой автобусной остановке, а потом, уповая на счастливый случай, прыгать с ножки на ножку, надеясь, что, когда очередь таких же, как мы, заоченелых пассажиров

вломится в автобусное нутро, то достанется капелька про странства в его утробе и нам, юным «театралкам». Очередь была длинной, отягощённой поклажами всякого рода, а надежда – ничтожно малой. «А слабо нам доскакать до театра?!» – дерзко вскричала танцунья Люся. «Не слабо!» – не менее дерзко ответствовала её деревенская подружка, восторженно и громко пропев перефразированный куплет модной песни. В куплете том было: «У красавиц-сибирячек разливные голоса», но я пропела: «У красавиц-сибирячек завитые волоса». Потому что Люсины кудряшки-завлекашки, выпущенные из-под шапки-ушанки, висели вдоль её щёк очаровательными заиндевелыми локончиками. И при этом: блестящие глаза и опущенные инеем длинные ресницы, и жаркий румянец – ну, совершенная зауральская красавица! Понятно было желание у стремительной Люси тут же отпарировать в подобном ключе. Она оценивающе глянула на меня, что же во мне достойно быть воспетым, и не нашла более достойного, чем моя обновка, тоже, между прочим, сотворённая моей мамой в минувший вечер. Это были рукавички, сшитые из старого папиного шарфа. Эврика! Люся проголосила: «У красавиц-сибирячек – четырехугольные рукавицы!» Отпарировала коряво, не в размер, но – молниеносно! Мы от хохота прямо упали друг на друга. Мигом опомнились: опоздать же можем и, как гончие, выстелились над привокзальной площадью в направлении театра.

Все звонки отзвенели, но мы не опоздали... Когда сдавали в гардеробе пальто, Люся радостно воскликнула: «Так ты тоже в обновке, Надюша!» – «Нет, это мама свой костюм мне предложила. Сначала примерить. А потом сказала, что, в общем-то, неплохо. Только юбку пришлось верёвочкой потуже подвязать». – «Ничего, под жакетом не видно!» Фойе опустело. Контролер глянула в наши билеты: «Очень хорошо, ваши кресла крайние в последнем ряду, как войдёте, левая сторона... Девочки, ну, куда вы! Ещё левее!» Тут контролёра отозвали, а нас понесло очень уж левее, и я уткнулась в портьеры, занавешивающие, как я «сообразила», дверь в зал. Я немного сдвинула штору в сторонку. Вот те на! – ступенька! И чего она какая-то уж очень несуразно высокая. Неловко воздвигла на неё ногу. Чувствую устремлённый на меня взгляд. На меня вопрошающе взирает странно знакомая особа... в мамином костюме. Я ещё по инерции шепчу ей: «Пожалуйста, проходите...» Люся настиг-

ла меня и спрашивает из-за моего плеча заботливо: «Надюша, с кем это ты? А – с собой?! Это же зеркало. Трюмо называется. Ну, ещё бы: приятно с умным человеком побеседовать». Мы опять с хохотом виснем в объятиях. Возвращается обеспокоенная заминкой контролёрша и благополучно препровождает странных зрительниц в приоткрытую дверь. А за нею темнота и лёгкий шум, и всплески разрозненных аплодисментов. Вот-вот начнётся спектакль.

Два наших кресла в самом деле и последние, и единственные в своём коротеньком ряду, и расположены так высоко, что весь зал – как на ладони. Может, это были как раз места, задуманные для контролёров или «своих». Наши колени прямо-таки возвышались над головами сидящих впереди зрителей, видимо, супружеской пары: у дамы – пышный «причесон», у кавалера – внушительная, дающая отблеск, лысина. Пара поуютнее устраивалась, шурша программкой и кульком конфет – уже успели посетить буфет. Можно ли вернуться из театра без трофея!

На сцене начало разворачиваться какое-то действие, а мы никак не могли успокоиться. Смех душил и сотрясал нас. Ох, лучше бы на нас не шикали!.. Чем больше шикали, тем ужаснее хотелось хохотать. Потихоньку на минутку – чтобы «прохохотаться» – вышли, опять увидели эту коварную нишу с трюмо, и нам стало совсем плохо. Начали уговаривать друг друга, мол, ну хватит, давай уже успокаиваться – в театр же, на культурное мероприятие пришли!.. Но как только глянем, Люся – на меня, а я – на неё, – начинаем почти рыдать. Ушли в туалетную комнату. Умылись, попили водички из-под крана. Стали изучать интерьер туалета. В зеркала и друг на друга боялись взглянуть – подступала истерика. Нашли забытую кем-то программку, погрузились в чтение. Тут и первое действие закончилось – народ хлынул в буфеты, их было два в каждом крыле. Повлеклись и мы. Нашего объединенного капитала хватило на кулёк пряников. Они уже были расфасованы. Мы вернулись на свои места. Пара, что сидела перед нами, уже шуршала обёртками и хрумкала карамелью. Мы тоже решили полакомиться. Люся приоткрыла упаковку и предложила мне дегустировать первой. Я взяла пряник, пальцы моментально ощутили степень его древности. Не сводя с подружки требующих участия глаз, хотела постучать по спинке переднего кресла – одеревенелые же пряники! – и постучала... по лысине сидящего передо мной соседа.

Вскрикнув, он оглянулся. При этом дико выкатил глаза, похожие на яйца неизвестной нам птицы. «Ой, простите!» – сама ужасаясь на себя, я вылетела из зала. Люся, давя в себе рыдания, ринулась за мной. И опять почти половину действия провели теперь уже в верхнем фойе, ещё эти пряники – как взглянем на кулёк – взрываемся хохотом. Оставили пряники в туалетной комнате – может, кому по зубам придутся. Вернулись в зал, нашли два свободных места в правой стороне зала, и, наконец, тихий ангел слетел к нам.

Спектакль был с пугающим названием – «Шакалы»; он разоблачал американский образ жизни. (Политико-фантастический детектив. Автор – эстонец, Аугуст Якобсон, дважды в 1947 и 1948 гг. награждался Сталинской премией. Это, конечно, позднее мы с Люсей в газете прочитали). А от спектакля остался в воспоминаниях некий учёный господин, который только и делал, что носился по сцене и хлопал в ладоши, пытаясь поймать то ли моль, то ли муху, чтобы поджечь ей крылышки. Звали его, кажется, Курт Шнейдер. А другой господин всё манипулировал сигарой, так и этак крутил её. Мы с Люсей сошлись во мнении, что непонятно почему народ валом валит на этот спектакль. Ничего же интересного. Скорее всего, чтобы посмотреть, каков получился театр, построенный под приглядом известного столичного архитектора Щусева. Говорили знатоки, что получилась как бы уменьшенная копия Большого театра, только без знаменитой квадриги.

Когда мы возвращались, я всё же решилась спросить у Люси: «Мне показалось, у твоей мамы в глазах слезы стояли, когда она нас провожала... Хотя она только что смеялась...» Тут Люся вдруг так переменялась, что мне почудилось: стоит передо мной совсем другая девочка. «И зачем только ты об этом спросила, Надя?! Так весело было – всё настроение отравила, – Люся укоризненно посмотрела на меня. – Понимаешь, не можем опомниться... После смерти моей младшей сестрички... Это такой ангел был, такой ангел... – Люся заплакала. – И откуда он взялся – этот гнойный менингит?!» – мы стояли возле калитки Люсиного дома. Я не представляла, как Люся переступит порог с таким заплаканным лицом...

Обжигаемая стыдом за свою неловкость и непонятно на кого обидой, я повернула было на тропинку к нашей улице Отдыха. Оглянулась: Люся всё ещё стояла у калитки. Бегом я вернулась к ней, схватила за рукав: «Люсь, а ты войдешь – и сразу начинай маме рассказывать: как мы до слёз всю дорогу хо-

хотали; как я вlepилась в трюмо и разговаривала с собой; как едва не убила лысого зрителя пряником... Представляешь, а если бы в висок пришлось! Ты увидишь, она тоже будет смеяться до слёз!» Люся притянула меня за воротник, и мы прижались «лбами» своих ушанок и смотрели в глаза друг другу, и тепло разливалось в душе...

...Было поздно, но в большой нашей семье никто не спал. Первой я попала на глаза тётушке – она готовилась ко сну и расчёсывала перед зеркалом в прихожей свои прекрасные чёрные волосы, всё ещё не тронутые сединой: «О-о! Наша крапивка пришла! Ну как погулялось?!» – «Как! Да как накакашь – так и смякашь!» – ответила «крапивка», освобождаясь от верхней одежды. Тётушка охнула. На пороге кухни стояла мама, она вышла из нашей комнаты встретить меня: «Что это я слышу недозволенные речи? – спросила она фразой, похожей на рефрен из «Тысячи и одной ночи», которую я недавно принесла из заводской библиотеки – вынесенной с территории завода в заводской клуб. «Да потому что надоело уже! Никакая я вам не крапивка!» – я расправила на себе мамин костюм, убедилась, что ничем его не повредила и хотела уже идти переодеваться. Тут папа Котик присоединился к честной кампании. «Нет, мила дочь, ты – не крапивка! – он сделал паузу, и я успела порадоваться ожидаемой поддержке. – Ты, мила дочь, – чертополох! – все, кроме меня, засмеялись. – Вместо того, чтобы сказать «спасибо!» за билеты в театр, за то, что мама костюм тебе свой предоставила – помодиться...» Тут, ко всеобщему изумлению, стала хохотать одна я, еле выговаривая сквозь хохот: «Уж как помодилась!..» – «Надька! Да ты истеричка!» – словно делая открытие, воскликнула мама. Когда я, наконец, была в состоянии описать сцену у трюмо, все просто впали в блаженное состояние общего веселья.

Глава 10

ИСКУШЕНИЕ МЕДАЛЬЮ

В третьей четверти учителя и новый наш классный руководитель, Розалия Борисовна Валкина, стали нас поджимать, требуя большей собранности, ответственности и лучших результатов. Впереди был выпускной класс, экзамены на аттестат зрелости. Прикидывали, от кого можно ждать медалей. От меня ждать было нереально, и я продолжала себе жить беспечно и даже радостно. Как

вдруг вошла к нам на большой перемене наш географ Надежда Сергеевна Сафонова и попросила меня, в свойственной ей несмелой манере, выйти в рекреацию – надо один момент, касающийся моего будущего, обсудить. «Есть предложение... Хочешь ты в аттестате иметь по географии отличную оценку? А то у тебя никак не получается годовая пятёрка – в двух четвертях у тебя четвёрки, и сейчас не блещешь...» Чуть было не ответила я, как привыкла с домашними: «И шо – это тако лыхо – четвёрка по географии?» Смотрела на Надежду Сергеевну, ожидая продолжения. «Можешь пересдать. Останешься после уроков, устрою тебе переэкзаменовку...» – «Да все же знают, что никак не выходит у меня пятёрка... И, кстати, не по одной географии у меня не выходит «отлично»... Да мне, Надежда Сергеевна, тогда сдавать не пересдавать... До пенсии!» – «Ну, не преувеличивай, Надя. На педсовете рассматривали не одну твою кандидатуру и считают вполне возможным...» – «Не-е, Надежда Сергеевна, если есть другие – они как хотят... А я не хочу себя дутым медалистом чувствовать... Где, например, Люся Алексеева – и где я?!» – «Не чувствуешь ты ситуации, девочка! Будет у тебя медаль – будет преимущество при зачислении в вуз... Иначе – сдавать экзамены со всеми на равных...» – «Ну, судьбы же у всех разные – как у кого получится. Не поступлю – это что, смертельно?..» Мы разошлись явно обе удручённые. Географ тем, что не выполнила какую-то возложенную миссию. Ученица – тем, что огорчила одну из любимых своих учительниц. Надежда Сергеевна была такая хрупкая, так мило по-детски картавила; безукоризненный полукруглый подворотничок на её вишнёвом платье подсказывал, что по возрасту она не так уж далеко ушла от потенциальных выпускниц. И что-то щемило в душе, когда я смотрела в её карие, словно матовые глаза, и мне казалось, они освещались изнутри крохотными огоньками свечей. И таким же огоньком взблескивала в уголке рта золотая коронка. Когда географичка начинала говорить, ей всегда требовался какой-то миг, что-то в себе преодолеть, чтобы вымолвить первое слово. Надежда Сергеевна казалась мне загадкой. Да хотя, что я! Тоже психолог выискался! Не прост же каждый человек...

...Не удалось избежать объяснения с Люсей. «Ты, Надюша, чего нашу квадригу раскалываешь?! – спросила Люся, притормозив меня, когда мы вышли после уроков на улицу, и смотрела на меня, как добрый старый доктор на безнадежно больного пациента. – Ну, почему ты пересдать свои

четверки на пятёрки не хочешь? Нечего стесняться – не одной тебе пошли навстречу». – «Навстречу? А я просила!» – «О, я чувствую, тут дело не в пересдаче... Ты, честно, передумала в Томск?..» – «Люсь, ну, вчетвером же всё равно не получается... Теперь, после смерти отца, у нашей Екимочки, ну просто неизвестно как всё сложится... Мачеху свою, «эту Фану», она, конечно, не любит, но и бросить больную не может...» – «И это что же получается: из-за того, что нашей подружке будет без нас «и скучно, и грустно», каждая из нас троих должна предать свою мечту и остаться солидарно киснуть в этой Тьмутаракани?» – «Это не Тьмутаракань, – это – родной ваш город...» – «Ну всё едино: в родной Тьмутаракани», – Люся усмехнулась. Я догадалась, она вспомнила наш «культпоход в театр» на «Шакалов» – и я залилась «детским радостным смехом», как Люся называла нашу общую привычку смехом разрядить обстановку. Смех смехом, но Люся продолжала торпедировать мой катерок: «А как же ты собиралась лечить людей – как твоя любимая бабушка, наследовать её профессию?! В нашей родной Тьмутаракани нет медицинского». – «Зато я могу наследовать профессию мамы и поступать в только что открывшийся педагогический. Наверняка, заявлений будет немного...» – «Ах, вон на что расчёт! – съязвила Люся, – четвёрочница несчастная!» Я вдохновенно продолжала: «Екимочка – на физмат, а я – на истфил... И честно будет: вы с Алией Францевной – в студенческий град Томск, а мы с Людмилой Васильевной – остаемся в родимой Тьмутаракани. Двое на двое!» Люся почти разозлилась: «Так у вас тут, за нашими спинами, оказывается, вызрел целый заговор!.. Слушай, Надюш, признайся честно, боишься конкурса... А то развела антимионию со своей жалостью!» – «Ну да, видела бы ты, как Екимчик обрадовалась!.. И мама моя – тоже».

Но ни злиться, ни дуться Люся не умела. Просто легонько потянула меня за рукав у локтя: «Тогда до завтра? Мне через два часа на «танцевальный» – хоть по химии пока сделаю...»

Глава 11

КОВЫРОК ИЛИ КУВЫРОК?

... **Р**асстроенная, понуриив голову, шла я домой, и почему-то вспомнились первые недели нашей городской жизни. Мне дали талончик и ведро. Чтобы я принесла воды из колонки, которая находилась как раз напротив

снятого нами в аренду дома (вернее его половины). «Здравствуйте, девочка! Теперь вы тут будете жить?» – видимо, она ко мне обращалась, эта малышка, с толстыми тугими косичками, в круглых очках, увеличивающих её и без того большие голубые глаза. «Ну да, – ответила я, – это для тебя имеет значение?» – «Имеет, конечно! – важно отвечала она. – Вот если бы вы тоже занимались гимнастикой, мы бы вместе с вами ходили в секцию на тренировки... Вдвоем это же гораздо веселее!..»

Поймав мой сравнивающий недоверчивый взгляд, малышка продолжила: «Вы не думайте, там у нас девочки разных возрастов занимаются одновременно... Так вы согласны? У меня ещё есть время, и я подождала бы, пока вы отнесёте воду домой...» Мне понравилась идея ходить в секцию, обаяли слова «заниматься гимнастикой».

Тренер, улыбаясь, с мальчишеской стрижкой, в синем, с золотым пояском трико, девушка похвалила малышку: «Молодец, Ира, спасибо тебе, что заботишься о росте нашей гимнастической семьи». Малышку звали Ира Колташова, она перешла в третий класс и уже имела какой-то разряд, грамоты, диплом и даже медаль... Тренер оглядела меня и подбодрила: «Ничего, что сегодня ты не в форме. Что у тебя под платицем? Трусики и маечка – ну, и ладно. Платье скинь, выбери себе место по росту и – на разминку становись! Побежали-побежали, мои хорошие!.. Ну, чего ты мешкаешь, новенькая?» – «Я буду в платье», – отрезала я и пошла к высмотренному мною месту в общей цепочке. «Тогда не обижайся, если кто-то засмеётся... Смешно же, если платье на голову завернётся...»

... Домой я возвратилась воодушевлённая. Всё я делала со всеми в лад, всё для начала как-то получалось, и платье на голову не накрутилось. С нетерпением ждала момента, когда можно будет привлечь всеобщее внимание. Арендвали мы эту двухкомнатную квартиру с полуподвальной кухней – на две семьи. Большую комнату с двумя окнами на улицу Омскую папа Котик сказал: «Надо уступить младшей маминной сестре – моей крестной матери Галине», которую я со времён моих крестин в Остре называла Лёля. Папа Котик добавил: «Надо им преимущество отдать – они молодые, и у них – маленький ребёнок». Но проходная комната, где поставили кровать моих родителей, была совсем небольшая, у неё было одно, правда, широкое окно, стоял хо-

зайский буфет, был небольшой люк с лестницей в кухню, ночью он закрывался, и над ним предполагалось устраивать моё «ложе». Тогда моя Лёлочка сказала, что мою раскладушку на ночь можно ставить в их комнате. После возвращения из Остра Галя с мужем успели пожить в Мурманске, где её муж, Андрей, служил зенитчиком; там у них родился голубоглазый кудрявый ангел Женик. Всё бы ничего, но Галя страдала от астмы. Мамы – на то они и мамы – чтобы быть всегда готовыми спасти своих детей. Бабушка Александра Яковлевна, хотя и сама жила при амбулатории (в соседней с Раскатихой Чернавке), приняла молодую семью. Но бабушка умерла очень скоро, совсем немножко не дожив до возвращения папы Котика. Андрею предложили службу в Курганской милиции. Мне казалось, что все мы счастливы. Потому что всегда было много шуток, Женюшкиной беготни и визгу, потом появился подаренный дядей Лёней к моему дню рождения щенок Юта, к сожалению, вскоре уворованный у нас.

Ну, вот, и когда все уgomонились и, наконец, приготовились ко сну, я скромненько, будто между прочим, произнесла: «Да, забыла сказать, я же сегодня начала в секцию ходить...» Межкомнатная дверь ещё не была закрыта и свет ещё не выключен. Папа услышал объявление и спросил: «Ну-ка, ну-ка, поди-ка сюда, да расскажи нам всем! Сектанткой какой-то, что ли, заделалась?» Я перешла в комнату родителей и стала рассказывать отчётливо, чтобы Лёлочке и дяде Андрюше тоже всё слышно. Закончила с большим достоинством: «Меня тренер даже хвалила». – «И за что же она тебя хвалила – с первого занятия, когда ты ещё и не научилась ничему?» Я понимала, что папа меня подначивает, и с задором ответила: «За кувырок. За мостик. За растяжку. На канат ловчее всех забралась, даже колесом прошла, и – вообще! Тренер сказала, что молодец Ира Колташова, что такую способную девочку привела, и что она надеется, я быстро сравняюсь с теми, кто давно занимается... Вот! И ещё – чтобы мне форму купили. Трико. А то я сегодня в платье тренировалась – это же смешно!» – «Может, ты покажешь, чем ты там своего тренера удивляла? Вот мы тебе форму купим – а может, тренер ошибается насчёт тебя, не такая уж ты и способная? Кувырок – что за кувырок, – изобрази!» – «Не кувырок, а кувырок, – строго поправила я, – не кувырять же, а кувыраться». – «Ты давай, не тяни – показы-

вай! А то вон у малыша глаза смыкаются». Какое смыкаются! Женик просто вытаращился: что это такое Луна (правда, он не выговаривал звука «Л», и у него получалось «Вуна») придумала – так он почему-то называл меня. Ну, ладно, покажу я вам сейчас свой замечательный кувырок – я присела на корточки, спрятала голову между коленок, превратившись в некий клубок, и несколько раз перекадилась через голову вперёд и назад, туда и обратно. Довольная собой, села посреди одеяла с вытянутыми ногами. Малыш уже нёсся ко мне с визгом: «Я тозе, я тозе катю!» Все дружно смеялись. Но смех папы Котика показался мне просто ужас каким насмешливым! Что подтвердила его реплика: «Ну, уважила, мила дочь! Знатный был кувырок!» Я сгребла в охапку одеяло и ушла на свою раскладушку, укрылась с головой и прокричала из-под одеяла: «Всем спокойной ночи!»

«Погоди спать-то! Скажи хоть, что это за есть Ира такая Колташова, которая тебя привела?» Мама ответила: «Эту девочку раз увидишь, век не забудешь. У этой малявки такой ответственный вид... Думаю, это из-за толстых стёкол её очков. О-очень вежливая и доброжелательная девочка, когда проходит мимо, всегда здороваётся, при этом смотрит тебе в лицо – будто спрашивает: и что вы за человек?... Не понимаю, как с таким зрением родители разрешают малышке большие спортивные нагрузки и как её в секцию приняли?!» Папа Котик обратил внимание на другое: «Значит, все там такие маленькие, да удаленькие...» Наверное, папа Котик подумал, что я там среди таких, как Ира Колташова, – настоящая великанша среди лилипутов. Да просто дылда! «Не надо мне никакого вашего трико!» – опять выкрикнула я из-под одеяла и безутешно всхлинула. «Вот те на! – обескуражено сказал папа Котик, – заревела бедная! Чем я её обидел? Разве я сказал, что мы не купим ей трико!» Всхлипы усилились. «Натка, – подошла ко мне Галя, – да завтра же дядя Андрей по дороге со службы зайдёт в «спортивный» и купит тебе это трико. Это будет тебе наш подарок – за то, что ты играешь с Женюшкой!» – «Разве я «за то» с ним играю!» – всхлипы превратились в горестный рёв. Малыш подошёл к моему изголовью и стал показывать на меня пальчиком. При этом губы его дрожали и на длинных ресницах висели слезы: «Вуна пакает! Вуна пакает!..» Лёлочка моя моментально нашлась, как перевести ситуа-

цию из минорной в мажорную. Деловым голосом, как о чём-то будничном, но очень важном, она попросила меня: «Натка, ну-ка посмотри, правильно я делаю?!» Я неохотно перестала реветь и одним глазом стала зырить из-под одеяла. Лёлочка в это время расстилала на полу старинную клетчатую суконную дорожную шаль. Женюшка в ожидании непонятно чего суетился тут же, крутил своей круглой, в полосатых штанишках попкой, подбегал ко мне, тянул одеяло с моей головы: «Вуна, Вуна, мати, мати!» А я уже и так смотрела, чего ещё затеяла моя Лёлочка. А она, тонкая и гибкая, как лозина, в такой же полосатой, как у сынишки, пижаме, хлопнула в ладоши, бросила руки в стороны, сделала мгновенную стойку, прошлась колесом, свернулась в клубок, перекувыркнулась и вскочила на ноги с теми же раскинутыми широко руками... «Ну как, Натка, правильный у меня кувырок был?» Все кричали «бис!» и «браво!» и шлёпали в ладоши. А Женик подбежал к своей удивительной маме, обнимал её ногу, целовал коленку и кричал о своем открытии: «Мама – квован! Мама – квован!» Да, крёстная являла клоунскую ловкость. Не зря в детстве упражнялась в грачиннике, легко взлезая до вершин самых высоких берёз.

И вот я брела домой, придавленная этим весёлым воспоминанием, недоумеваю и сокрушаюсь: ну, почему тогда я отказалась и от трико, и от занятий в секции? А то сейчас ходили бы вместе с Люсей Алексеевой в ДКЖ: она – в танцевальный, а я – на гимнастику!.. Четыре раза в неделю!.. Я запросто обращалась бы и с мячом, и с лентой, и со скакалкой, и с обручем. И кольца, и брусья подчинились бы мне... И сейчас мы с Люсей готовились бы к смотру самодеятельности учащихся железнодорожных школ Южно-Уральской железной дороги в Челябинске... Ах, как уныло стало мне от собственной бесталанности. Ну, нет у меня никакого таланта, ну, решительно нечем блеснуть мне на смотре! Я представила, как Люся с другими девочками из своего ансамбля стоят у вагонного раскрытого окна, ветер теребит её белокурые, навитые на школьную ручку локончики, мимо проносятся за окном то озерцо, то жёлтое горчицное, то розовое гречишное, то сиреневое люцерновое поля, то луг с пасущейся на нём всякой хозяйской скотинкой, то берёзовый колок, взбегающий на лобастый увал... Девочки болтают, смеются... Им так чудесно!.. Защемило сердечко моё от собственной никчемности.

Глава 12

НАГЛЯДНОЕ ПОСОБИЕ: КАК СЕБЕ ВРЕДИТЬ

... Но пришло утро нового дня. Новая четверть. Новая толстая общая тетрадь – было предупреждение: будем учиться конспектировать... Новый учитель... да, тот насмешник-завуч, который заметил хористам (мне, то есть, я же не дура, поняла, кому намёк сделан), что надо петь голосом, а не всякими там, даже выразительными, частями тела. За то, что активно работала на уроке и даже вопрос какой-то (с перепугу, наверное) задала, который **Он** похвалил и сказал, что иной вопрос и отличной оценки **стоит**. И правда, в конце урока, выставляя и комментируя отметки, **Он** сказал, чтобы я тоже подала свой дневник, и поставил мне пятёрку, сотворив рядом безумно красивую, размашистую подпись «Даровских». В классе нашем было 30 душ, и я рассудила (я же не дура, да и он не дурак по второму разу спрашивать, когда у двадцати пяти учеников ещё и по одной оценке нет), что мне ничего не грозит. Ни в учебник, ни в свой конспект я и заглянуть не подумала. А **Он**, едва начал урок, сразу же и вызвал к доске... меня. Полагаю, очень комичная была у меня физиономия, по крайней мере, с языка у меня едва не слетело: «Та Вы шо-о, забыли разве, на прошлом же уроке меня спрашивали!» – «Не без натяжки, но четвёрку я вам поставлю, сударыня! Извольте ваш дневник!» – «Ишь ты, милость **Он** мне делает – «С натяжкой!» – с лицом бордовое переспелого помидора приземлилась на своё место. Синие глаза моего соседа – худенького, щупленького Юры Токарева, торжествующе блеснули. К следующему уроку по **Его** предмету я просто железобетонно была уверена: уж меня-то точно минует участь сия. Не миновала. Я поняла, едва **Он**, «Мистер Изящество», влетел в класс, небрежно отбросил от себя классный журнал, так что тот прокатился по диагонали стола, и все поняли, с чего начнётся урок. Про выражение моего лица, наверное, вполне можно было бы сказать «вызверилась»: «Та Вы шо-о?! – всё вопило во мне, – с ума сошли, чи шо, над дитём так измываться?!» – «Трояк!» – справедливо оценил мой тусклый ответ Юра Токарев. И опять в моём дневнике появилась эта царственная подпись. «Трояк» рядом с ней смотрелся даже неплохо. «Ну, Надюша, – подошла ко мне

на перемене Люся Алексеева, – на следующем уроке, не сомневайся, **Он** снова тебя спросит. Смотри! Готовься как следует!». И по милому лицу её, показалось мне, скользнула легкая тень ревности.

«Ну-у уж, это будет с **Его** стороны просто наглость!» – буркнула я. «Нет, – странно улыбнулась Люся, – это будет наглость – с твоей стороны, Надюша, если ты не подготовишься». Нет, не то чтобы я «из принципа» не стала готовиться, просто приехали из Раскатихи гости, «Иван да Марья», мои любимые учителя и мамыны коллеги, Иван Николаевич и Мария Никаноровна Ивановы. Мы не виделись сто лет! Стряпали пельмени, вспоминали, пели песни, взрослые выпили чего-то домашнего, причём и мне капнули на донышко... Только на следующее утро, открывая школьную дверь, я – по вдруг часто забившемуся под горлом сердцу – вмиг поняла: сейчас грянет надо мной гром небесный. И грянул. Я не стала дожидаться ритуального начала казни, а когда **Он** раскрыл классный журнал и обвёл глазами затаившийся в предвкушении действия класс, откинув крышку своей парты, поднялась и прошла к **Его** столу с раскрытым дневником: «Можете ставить свою двойку! Я не готова к уроку». – «Как мило!» – он присел на краешек стола, и мы оказались глаза в глаза. Они у него были каштановые, смотрели на меня весело и вполне доброжелательно. «А почему это, сударыня, вы решили, что я поставлю вам два балла? Даже два балла надо заработать. Я вам поставлю единицу». И протянул мне мой дневник раскрытым: в глаза мне ударили издевательски красиво выписанные огромный кол и в скобках рас-шиф-ро-ва-но (!) «единица». А то непонятно! «Иезуит!» – горестно подумала я. Класс молчал, а мне казалось, класс оглушительно смеялся. Потом до конца четверти я готовилась к каждому **Его** уроку. Как безумная, тянула чуть не до потолка руку. **Он** не замечал меня. Меня для **Него** не было в классе. И наступил последний урок в четверти. Я безучастно смотрела в окно и ничего за ним не видела. Вдруг прозвучал сочувствующий голос Люси Алексеевой: «Ну, сколько можно, честное слово... Спросите же человека, наконец». – «Так человек, по-моему, сам не очень-то хочет, а?» – «Хочет-хочет!» – горячо сказала Люся. **Он** вопросительно посмотрел в мою сторону. Я закивала головой. **Он** сделал изысканный жест: «Тогда прошу, сударыня!» – указав на место возле своего стола. Как вышла, не помню. «Дамы и господа! – обратился

Он к ребятам, – а ну-ка – любой вопрос за всю четверть!» Все развеселились, зашелестели страницы. «Нет, господа, будем честны: вопросы задавать не из учебника, а из своей головы – покажите и вы свои знания». Всё равно вопросы сыпались со всех сторон. Даже Виталик Кочкарёв выковырял нечто неожиданное.

Но тут **Он** остановил процесс: «Так, а теперь, сударыня предьявите тетрадочку – очень интересно, что вы там «наконспектировали?» – Юра Токарев передал по рядам мою оставленную на парте тетрадку. Полистав её, учитель остался доволен: «Честно сказать, не ожидал, Надя. Ваши конспекты – лучшие в классе. За ведение тетради по истории вы заслуживаете оценки «отлично»! Этот неожиданный переход с немного насмешливого, холодного «сударыня» на простое, привычное и даже товарищеское «Надя» смутил меня. А **Он** продолжил: «Как Вы полагаете, Надя, какой балл вы заслуживаете?» – «Теперь значения уже не имеет, – отвечала я, – хоть восьмёрку, всё равно за четверть – тройка». Мы встретились глазами с Люсей Алексеевой и точно подумали одно: «Вот, бабуся, такая тебе медалька на Юрьев день». – «А давайте-ка спросим, что думает общественность?» – посмотрел **Он** на ребят. Мнение класса было решающим: за сегодняшний ответ – пятёрка; за четверть, так уж и быть, можно четыре балла... До своего места я шла на ватных ногах, цепляясь по пути за каждую парту. На несчастном моём примере поучил **Он** нас, как готовиться к каждому уроку.

Глава 13

«НЕ ОТРЕКАЙСЯ – МНЕ СКАЗАЛИ...»

Озеро, на берегу которого стояла 28-я школа, уже растаяло: мудрено ли – оно было таким мелким! Зеркало воды под лёгким ветром рябило, бликовало. Иногда этот ветер пробирался в класс и вздувал парусом шторы. Ребята, чьи парты оказались в потоке солнечного света, изнывали от жары. Все жаждали большой перемены. Звонок ещё не вызвонил до конца ему положенное, а народ уже волнами выкатывался на улицу. Кое-кто из старшеклассников метнулся за угол к кочегарке – курнуть, некоторые помчались к «Зелёному базарчику» – за семечками, большинство просто толклись на площадке перед входом в школу, щурились на солнышко, подставляли ветру разгорячён-

ные физиономии. Люся Алексеева предложила: «А я видела лодку у мостков, она просто на берег немного вытащена и не привязана, – покатаемся? Кто с нами?!» – схватила меня за руку, и мы припустили к лодке. Через мгновение мы, уже вчетвером, лихо отталкиваясь схваченными на берегу какими-то дубинами, направились к середине озера. Мелкое у берега, оно, чем далее, тем становилось глубже. «Слушайте, вообще-то мы можем опоздать на урок...» – резонно заметил немногословный Лёва Ершов. «А всё равно, уже все оценки за год он выставил!» – рассмеялся Лёша Храмов. Долетел, смикшированный расстоянием и криками толкущихся у входа, школьный звонок. «Так и так не успеваем», – равнодушно заметила Люся. «Ребята! На нас Гоголь смотрит!», – как бы предупредила я, но смысла в этом не было никакого. Между тем, стоя у раскрытого окна, на нас глядел, прикрывая глаза ладонью, как козырьком, Герман Викторович Афанасьев, наш учитель литературы. И впрямь – уменьшенная копия великого русского писателя. Он взывать к нам не стал, просто погрозил нам сухим маленьким кулачком и задрнул шторы, – мол, глаза бы на вас не смотрели!

Пока причаливали, приводили в порядок обувь, время не стояло. Тут ещё Люся обнаружила, что нанесла урон своему платью, возрождённому мамой, казалось, так недавно, к новому году. Войдя в лодку первой, она, не глядя, уселась на корме. А хозяин лодки, готовя её к весенне-летнему сезону, видно, только просмолил её, и на кормовой скамейке остались следы его деятельности. Всего-то несколько смоляных капель. Вроде бы они уже и высохли под горячими вешними лучами. Ан нет! Парни уже выскочили на берег, втянули нас в лодку, а мы всё суетились с Людмилой, как бы не вырвать кусочки ветхой ткани, отдирая подол её платья от закапанной смолой лавочки. Мы хохотали, как тогда в театре у трюмо. Но всё же Люся смахнула с ресниц несколько слезинок: «Эх-таки, не хватило мне платья до конца учебного года! Бедная мама, она так старалась!» – «Люсь, ты по школе иди как-нибудь немножко вперёд левым боком, а я сзади справа буду тебя прикрывать...» Опять мы чуть не умерли от смеха. «Ну, девчонки, чего вы там?! Давайте уж вместе держаться». – «Да какой смысл – больше половины урока прошло...» Началась бурная дискуссия: какая вина легче – «опоздавший» или «прогулявший». Наконец, пробираемся по лестнице на второй этаж к своему классу. Стара-

емся двигаться бесшумно и беззвучно. Время от времени напоминаю Люсе: «Не забывай идти вперед левым боком!» Обеих сотрясает смех. Парни дивятся: «Смешинку проглотили? Поделитесь – тоже посмеёмся».

И тут на тебе – навстречу обожаемая Розалия Борисовна. Выстроились перед ней в линейку, трогаю Люсю за локоть, она выдвигается левым боком вперёд. На её устах загадочная улыбка Джоконды. «Люся, но как вы попали в эту безответственную команду исторических личностей: граф и писатель Лев Николаевич Толстой (на губах Лёвы Ершова ухмылка), граф и писатель Алексей Николаевич Толстой (Лёшка Храмов сгибается пополам, обхватывает руками живот), общественная деятельница Надежда Константиновна Крупская (это гвоздят меня, – «Ой, я не могу!» – вздыхаю, и если не произнесла бы ни слова, то лопнула бы от смеха). – А Розалия Борисовна переводила взгляд своих чёрных, сжигающих нас очей с одного на другого и теперь остановила его на Люсе. – Но Вы-то, простая смертная претендентка на золотую медаль, просто Алексеева Людмила Константиновна, почему вы оказались в этом странном обществе?!» Ну, не откажешь в чувстве юмора нашей Розочке! А Гоголь наш и во все-то года никогда не был кровожадным, не стал свирепствовать из-за побега своих великовозрастных балбесов с последнего урока. Просто, когда мы, виноватая четвёрка, вместе со звонком вошли в класс, вприщур посмотрел на нас и сказал, спрятав грустную улыбку в усы: «А я-то мечтал, что на последнем нашем уроке мы все вместе просто поговорим за жизнь... Но не Божественный ли это знак – воплотить сию идею через год, то есть в выпускном классе, на первом же уроке литературы?.. Что, пожалуй, даже логичнее, а?» – Герман Викторович хлопнул своими сухонькими ладошками, крепко потёр их одна о другую и развёл руки в стороны. Будто поймал некую никчёмную идею, потом растёр её в пыль, да и развеял по ветру. Мы почему-то на цыпочках пошли к своим партам. Я замыкала цепочку, и Гоголь, когда я проходила мимо него, уже для меня одной тихонько сказал: «После уроков, пожалуйста, подойди ко мне – есть мысль!» Так и хотелось воскликнуть: «И шо це за мысль така?!» – точно, Герман Викторович съюморил бы в ответ, но я представила, как укоризненно смотрит на меня мама, и промолчала, лишь кивнула.

Мысль состояла из предложения участвовать в литера-

турном конкурсе учащихся школ Южно-Уральской железной дороги, в одной из составных частей смотра художественной самодеятельности. «Ты же стихи пишешь? Не отрекайся! – мне говорили... Так попробуй...» Тут уж я не смогла сдержать своего негодования, хоть и в дурашливой форме: «Та вы шо, Герман Викторович, хйба ж я зовсим совесть потеряла! Шо есть стихи, и шо моё рифмоплетство?! Ни, нияк не могу!» – «Жа-аль! – засмеялся Гоголь. – А то сочинила бы прекрасный стих, заняла бы первое место и покатила бы в Челябинск с командой нашей школы получать грамоту или диплом». Хотела я ответить своему искусителю в той же протестном духе и вдруг захлебнулась от осенившей перспективы. Так поехать на смотр в одной команде с Люсей Алексеевой – не утопия? Но – стихи! Безумие! Всё равно, что желторотого цыплёнка уговаривать прокукарекать матёрым петухом. «А-а... прозу на конкурс?..» – пробормотала в смятении. «Ты в самом деле пишешь? И что? Сказки? Рассказы?..» – «Пфф! – фыркнула я, – ничего я не пишу!» – «Тогда – чего же ты?..» – «Да ничего, просто спросила!» – «Ну, просто и ответу – и прозу можно. Хоть пьесу, хоть роман...» – Гоголь заговорщически подмигнул и показал на выход: «Дерзай, чадо! Времени у тебя – десять дней!» – «Шо ж раньше объявить не могли?!» – «Кому объявлять-то, я же всех вас, как свои пять пальцев, знаю. И от тебя согласия не ждал. Просто завуч как-то обмолвился, что был на вашем классном собрании, и ты поразила его своим каким-то «сумасшедшим памфлетом!» – Гоголь почти дружески рассмеялся. – «Так что, давай! Дерзай!»

Глава 14

«НИКАКИЕ ЗАДАЧКИ ОНА НЕ РЕШАЛА!»

Теперь в голове моей крутилась только одна докука: о чём писать-то. С чего начать? Эх, сбиралась синица море зажечь! Нет, не судьба мне вместе с Люсей в Челябинбу ехать... Тут мама мне говорит (выходной день был): «ЩИ у меня получились знатные! Сходи, донька, за хлебушком в сорковой. Туда по воскресеньям с Увальской хлебопекарни привозят...» Ещё бы, да за этим увальским хлебушком я на другой конец города готова!.. Буханки высокие, с хрустящей корочкой, сожмёшь их, а они сами расправляются. Ломоть отрезанный в руки возьмёшь – он ноздреватый, еле уловимой особой кислин-

кой отдаёт... Только мама сказала, и сразу – слюнка во рту.

«Но, пожалуйста, не обгрызай по дороге буханку, тётя Аня в гости обещалась – увидит обгрызанный хлеб, подумает, что у нас мыши – главные почётные едоки!» – «Ну, мама, всё же я выросла, избавилась от детских привычек...» – «Что вы говорите! – удивлённо подняла мама свои бровки-стрелочки, – ах, извините, пожалуйста, я как-то не заметила». В весёлом настроении я помчалась за хлебом – это был мой основной способ передвижения.

Когда я вернулась, первое, что увидела, стоящие в прихожей под вешалкой деревянные тётушкины костылики, и тут же из комнаты послышался певучий, полный радости голос: «А-а, крапивка моя пришла!..» Но что-то со мной уже произошло.

«Ага, здравствуй, тётя Аня!» – автоматически ответила я и также, будто в отключке, протянула буханку маме. «Всё же не утерпела – грызнула горбушечку!» – укорила мама. «Я не заметила, я нечаянно, – и прошла к своему учебному столику. Небольшой, сделанный папой Котиком шкафчик, висел над ним с тремя полками. На нижней вот уже несколько дней ждала меня зелёная, не начатая, тетрадка. На обложке я вывела крупно: «Новенькая»... Из большей комнаты донёлся укоризненный тётушкин голос: «Что ж ты, моя крапивка, уже и поздороваться не подойдёшь!» – «Подойду-подойду, щас...», – отвечала я. Тетрадь уже радостно открылась навстречу моему перу; оно, словно лошадка, хорошо знающая дорогу к дому, побежало, заскользило между голубых линеек как бы само собой, мне только и оставалось его придерживать. Мама тенью мелькнула мимо стеклянной двери, остановившись на миг. Потом о чём-то стали они разговаривать с тётушкой. Потом мама вынула из духовки пирог с картошкой и луком. Потом приехал с работы папа. Он два дня как вернулся из командировки, узнал нашу новость, и уже не ходил, а как бы подлётывал над землей. Весёлый и чуток задиристый. Зазвякала посуда. Стали пробиваться умопомрачительные запахи. Дверь в мой уголок приоткрылась. Запахи вкусной горячей еды просто вломились в крошечное пространство. Папа Котик удивлённо спросил: «Занимаешься, что ли? Прервись, поешь!» Несчастливым, даже большим каким-то голосом, я отвечала: «Потом-потом...» Слышала, как уходила тётушка. Обиженно спросила у брата: «Котя, как же это крапивка моя даже попрощаться ко мне не выйдет?» – «Не обижайся, сестра, задачи, видно, трудные за-

дали, – словно извиняясь, объяснил отец непонятное поведение дочери. – На медаль готовится...» – «Ну-ну!.. На золотую?» – радостно предположила тётушка. «Какую Бог даст!.. Только Бог-то Бог, да сам не будь плох – вот и старается!» – уже досада и нетерпение чувствовались в голосе отца. Он любил родню, любил гостей, но, догадывалась я, ещё больше любил, когда гости уходили, – как-то быстро он уставал от них: во всё-то вникают, всё-то им знать надо. Мама вынесла тормозок с гостинцами для бабушки Марии Ермолаевны. Застучали костылики, скрипнула дверь, отец пошёл проводить сестрицу... Родственникам мы решили пока нашу семейную тайну не открывать, и тётушка всё дивовалась и не могла понять: по облигации выиграла, что ли, да не хотим хвастаться...

Мама принесла мне бокал чаю с молоком и кусок пирога. Всё это я машинально проглотила. До утра ко мне никто не входил. Утром вошёл папа Котик, увидел исписанную последнюю страницу тетради. Листать постеснялся. Поправил сползшее на пол одеяло на заснувшей сладчайшим сном, закончившей свой странный труд, дочери. Выключил свет. Вышел и сказал более чем удивлённо: «Женюша, так она никакие задачи не решала!.. Доклад, что ли, какой... Представляешь: прямо из головы, что ли?!»

Гоголь, нимало не удивившись столь скорому выполнению конкурсного задания, хлопнул в сложенные домиком ладошки, будто заключил меж ними долго ловимого мотылька, растирать не стал, а гостеприимно раскрыл их, мотылька выпустил, а в ладони бережно принял мою зелёную тетрадку. К моей радости, мне недолго пришлось трепыхаться в неизвестности. Узнав, что на конкурс мою «Новенькую» берут, я тут же понеслась к Люсе, ни капли не сомневаясь, что она будет рада не меньше меня.

Глава 15

ДЕНЬ ПЯТНИЦЫ И РОБИНЗОНА КРУЗО, ИЛИ ПРОЩАНИЕ С ДЕТСТВОМ

Люся поливала недавно посеянную на высокой грядке морковку. Неподалеку стояло ведёрко прошлогодней морковки, ядрёной, ярко-красной – достали остатки из погреба – на запеканку, пирожки и так погрызть. Огород Алексеевых выходил к озеру, даже воду черпали прямо с мостков. Я хотела помочь, но Люся уже заканчивала и от по-

мощи отказалась. Алчным взором я глянула на привязанную к мосткам лодку. «Если хочешь, – покатаемся», – мы давно понимали друг друга с полуслова, с полувзгляда. Меня разрывала на части моя новость, но всё мне было не место, да не местище для «исповеди».

Мы выплыли на середину озера, нам открылось всё его зеркало, и оказалось оно немалым. С одной стороны, отражались в нём домики и огороды улицы Петропавловской с элеватором в конце её, с противоположной – такие же домики с улицы Отдыха, наша 28-я и в дальней точке, где левый и правый берега смыкались в дугу, денно и ночью исходили жаром четыре трубы Курганской ТЭЦ. «Ты заметила, что летом, когда озеро мелеет, посередине него...» – начала таинственным голосом Люся. «Всплывает необитаемый остров... – продолжила я. – Давай, ты будешь – Робинзон Крузо, а я – Пятница?» Предложение было с восторгом принято. Я направила «наш шлюп» к еле поднимающемуся из воды кусочку тверди. Да здесь даже и причалить-то не к чему, ногу поставить не на что. Ни кустика, ни травинки. Всё это буйно вымахнет во второй половине лета, если таковое установится жарким.

«Мне всегда почему-то хотелось заглянуть, что за этим высоченным элеваторским забором?» – таким образом Робинзон Крузо предложил Пятнице скорректировать маршрут. Весло было одно, и оно было у Пятницы. Пятница подтабанила слева, и был взят курс на элеватор. Летом, когда озеро подсыхало, вдоль забора можно было даже пройти, правда, в болотных сапогах. Но сейчас, в канун лета и после редкостно снежной зимы ограждение было чуть не наполовину скрыто водой. В ожидании бурного снеготаяния, забор подпёрли под углом поставленными шпалами. Лодка медленно скользила вдоль периметра. Пятница всё делала с величайшим рвением. Робинзон заметил: «Вроде сегодня не твой именинный день – чего ж ты сияешь-то так! Гляди, солнце не затми, а то вон погода стала портиться!» – «Терпение! Терпение!» – помнишь, как говаривал наш любимый герой из «Петербургских повестей» Гоголя? Ещё чуть-чуть, и я вгоню лодку между шпалой и забором, закреплюсь, и ты сможешь спокойно встать во весь рост, и всё увидишь собственными глазами. Потом ты подстрахуешь лодку, а я посмотрю... А на обратном пути я тебе что-то расскажу...» – «Надя, ты элементарно дразнишь меня! Ладно, потерплю. Ты надёжно вписалась под эту шпалу? Так я встаю!» Я хоте-

ла сказать, что нужно ещё малость продвинуться, и тогда уж точно: лодка закрепится железно. Едва-едва, я даже не оттолкнулась, а просто повела веслом по воде вдоль борта... Тут лодку жутко потрянуло, она замоталась влево-вправо, чуть не черпая бортами! В испуге я оглянулась. А где Робинзон?! Лодку потрянуло ещё раз! И вот уже Робинзон сидит в лодке – на голове водоросли, на щеках – тина, на сарафане нитки сухой нет. И смотрит на меня одним глазом сквозь эти водоросли. «Люся, честное слово, ей-Богу, – забожилась я, – я не хотела! Я не специально!!!» – последние слова у меня прорывались сквозь рыдания. Вы – наисчастливейший из смертных, если ваши друзья обладают чувством юмора. «Ну, что хоть ты там зрел, Робинзон? Оно хоть того стоило?» – домогалась я ответа от сидящего предо мной мокрого сотрясающегося от смеха существа. «Ты думаешь, я кто?!» – пылко спросило оно меня. «Робинзон же Крузо, как договорились». – «Нет, нет, – отрекшись от своей роли, запротестовало существо. – Я – эпитафия к Радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву!» Помнишь? Произнеси громко, я не могу, если сама вслух произнесу, умру сей же миг на месте. Только с выражением!» Я было открыла рот, Люся грозным режиссёрским голосом повторила: «С выражением, тебе говорю. И не смей хохотать!» Собрав все силы своего скудного артистического эго, я процитировала елико возможно пафосно: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя». И долго наша лодка колыхалась от взрывов нашего хохота: пока мы немного пришли в себя, пока я выбирала из Люсиных волос водоросли, а она снимала со щёк тину, умывалась озёрной, взбаламученной нами водой и промокала лицо подолом своего мокрого сарафана... Я услужливо протянула подол моего сухого платья. Люся, подхохотывая, отказалась: «Не надо, измараю!» Наконец, мы были готовы тронуться в обратный путь... Как же мы не заметили, что гроза уже над нами. Прямо над нами небо расколосось надвое и разверзлось. Нам казалось, целые потоки холодной воды обрушились на наши согнутые спины, на наши прикрываемые согнутыми локтями головы... А до Люсиного огорода было далеко. А весло одно. Тут Люся, чего уж я никак не ждала, превратилась в маленькую испуганную девочку. Она совсем сжалась в комок и почти плакала. Гроза была первой в этом году. Она разгулялась не на шутку. Раскаты грома следовали друг за другом без передыхи; молнии фиолетовыми и розовыми драконами летали над

озером во всех направлениях. «Не бойся, – деловито сказала я, вспомнив, как подружка моего деревенского детства, Галинка Малахова, «заговаривала кровь» на моём рассечённом лопаткой лбу. Но Галя – бабушкиной присказкой, а я вдруг вспомнила молитвы, которым выучилась со слов бабушки Марии Ермолаевны, когда она брала меня с собой на кладбище на могилку к дедушке Самоше. Я знала только две молитвы – «Отче наш» и «Богородице, Дево, радуйся!» Да между ними твердила шёпотом: «С нами Бог, да расточатся врази Его... с нами Бог, и никто же на ны!» Грозовая атака как внезапно началась, так же вдруг и кончилась... Люся успокоилась, мы стали отжимать платья и ошипывать пёрышки. «Люся, так чего-таки интересного высмотрела ты на дворе элеватора?» – «Да ничего, – буднично ответила она. – Огромный, как стадион, пустой двор и тучи голубей. Наверное, решили дожидаться нового урожая...» – «Ага, – поддержала я, – пока со всех районов сюда машины с зерном пойдут... А я вот чего хотела сказать...» – Но на фоне разгулявшейся стихии, обессиленные долгим безудержным смехом, мы обсудили моё включение в состав нашей команды на смотр самодеятельности в Челябинск коротко и спокойно, как нечто само собой разумеющееся. Обнялись и поздравили друг друга. Уже мы два раза сменили друг друга «на весле», стремясь поскорее достичь берега. Гроза вроде удалилась, зато подул ветер и так погнал против нас волну, что казалось невероятным: озеро и есть-то – тарелка, да его по диагонали можно всё пешком перейти – а ишь, готово до дна выплеснуться. Стал подступать страх: «О-иё, кума, чой-то у тебя в ведёрочке-то под лавкой?» – спросила я Люсю, копируя говор моих землячек-чолдонок. Она удивлённо воззрилась на меня: «Морковка. Мама сказала из погреба на запеканку достать...» – «Я гляжу, и помыть уже успела... И чо, хороша ваша морковь?.. Ты грызи, кума, морковь-то, грызи, хорошо помогают!» – «Кому, от чего «помогат»?» – растерянно посмотрела на меня Люся. «А всем и ото всего помогают! Ты главно, кума, грызи!.. Ой, кума! Поддоржися, щас нас накроёт! Это – девятый вал!» – «А дальше – тишина», – всхотнула Люся. Непонятно, как удалось мне поворотить наше «плавсредство» носом навстречу волне, она прокатила через нас, но мы уже были, считай, спасены. «Кума, да тут мелко, и волна не так уж велика – не собьёт, чай; давай-кося вылезай. Как бурлаки, потянем «корाप» за верёвку!»

И настал момент, которого я боялась больше всего. От мостков, навстречу нам, брела тётя Катя. Я так и знала, что она хватится дочки, увидит – лодки нет, и всё поймёт. «Какая была спокойная жизнь, пока не появилась, Люся, у тебя эта, так называемая подруга!» Тётя Катя выдернула веревку из наших рук: «Идите уже в дом скорее, переодевайтесь, дайте этой, так называемой подруге мой халат!» Люся попросила у матери прощения, что заставили волноваться, мол, никто же не ждал такой резкой перемены погоды, а насчёт «так называемой подруги» заметила: «Мама, поверь, это не самый худший вариант!» «Вариант» ни переодеваться, ни сушиться не стал, и обедать не остался. Не то осуждающе, не то одобрительно тётя Катя сказала: «Ещё фасон держит. Простудишься ведь!» Так называемая подруга, покрывшаяся гусиной кожей, бодро отвечала: «Ничего, я на бегу быстро высохну – вот-вот и солнышко – ка-ак выскочит, ка-ак выпрыгнет из-за элеватора!» Тётя Катя с улыбкой покачала головой: «Бедо-овая!» – и спросила нас обеих: «И всё же объясните вы мне, девочки, чего вас понесло по этой луже кататься – нашли себе озеро Рица!» – «Так, мама, мы же с детством прощались: играли в Пятницу и Робинзона Крузо». У тётки Кати с юмором было тоже всё в порядке, она поинтересовалась: «Ну и кто была эта Круза?» – «Пятница была я», – вставилась я с порога. «По-онятно!» – уже без всякого сердца ответила Люсина мама.

Провожая меня до калитки, Люся спросила подозрительно нейтральным тоном: «Надя, а ты дневник, ну, не табель, а личный?.. Ведёшь?» – «Н-ну веду, а что?» – «Интересно было бы обменяться... – У меня чуть не вывалились глаза. – А что такого!» – «А заче-ем?» – «Ну, если мы подруги и если доверяем друг другу... Ну, ладно... Ты каждый день записываешь? И я. А в Челябинск возьмёшь? Я тоже...» Больше Люся к этому странному моменту не возвращалась.

Глава 16

ВРЕДНЮЧКА

Конечно, я не успела просохнуть, пока, рассекая лужи, летела до дома. «Ах ты, Боже мой! – воскликнула мама, когда я переступила порог. – Неужели не нашла где-то перестоять ливень!» Потрогала мои холодные плечи, скользнула ладонью по ногам. И вот уже я стою в тазу с горячей

горчичной водой, на мне – отцовская фланелевая рубашка, и я хлебаю, держа на весу глиняную миску, горячую молочную лапшу. Мама сушит мои волосы полотенцем. Я сообщаю, как о чём-то, имеющем место быть ежедневно, что мой рассказ приняли на конкурс в Челябинске, и я поеду в составе нашей команды на дорожный смотр самодеятельности. «Как интересно! – удивилась мама. – И пляски, и сочинения – в одной корзине!» – «Мам, ну ты что, это же всё – виды творчества... Три мальчика со своими моделями едут – тепловоза и самолета; Володя Морозов, он даже моложе меня на класс, у Музы Афанасьевны учится, свои стихи читать будет... А уж всякие там рисунки-картинки, лепка, выпиливание-выжигание, вязание-вышивание... Про хор и танцы-блямцы, пианистов-баянистов-балалаечников – это «самое то», разумеется... Нас, курганских, целый вагон набирается!» – «А что за рассказ ты написала?» – осторожно спросила мама, и по лицу её, и по тону я поняла, что это и было самым волнующим для неё в моем сообщении. «Новенькая», – называется. Нашему Гоголю понравилось. Маму, ну чего я буду пересказывать, потом вернут (что там, все наши экспонаты солить, что ли, будут!), и сама прочитаешь... В общем, как бы из школьной жизни, понимаешь?..» – «Понимаю, – обняла и поцеловала меня мама, – но ты не представляешь, какая у нас новость! Терпи до вечера, её расскажет нам отец сам». – «Да я зна-аю, о чём! Что они в дяди Лёнином гараже смотровую яму доделали!» – уверенно заявила я. «Ух ты, какая бабка-угадка!» – засмеялась мама.

Отец пришёл поздно, уставший; сразу стал плескаться над большим оцинкованным тазом, фырчать, разбрызгивая воду, мама ему лила из ковша на голову, шею и спину. И любовалась – какой он крепкий, ладный, красивый. Отец был весёлый. Шутит. Маме заметил: «Ужинать, Женюшка, не хлопочи, у брата поел, Зинаида капусту тушёную со свиными хрящиками сделала – Анна на мясокомбинате брала... Для всей семьи волокла, бедная! Сколько уж говорено: «Анна, бросай это дело!» – не переупрямишь её. А я только чаю выпью, Женюшка, – завари покрепче!» – от отца припахивало водочкой, приняли, видать, с устатку и в окончание трудов. И настроение у него было замечательное.

Я представила, как моя тётя Аня продвигается вдоль деревянного мясокомбинатовского забора к деревянному киоску, встроенному в этот забор, где торгует знакомая все-

му посёлку Валя, и будто не слышит моя тётушка ядовитых укоров очереди; безмолвно и упрямо протягивает в окошко деньги и две авоськи. Очередь всё же раздвигается самую малость, кто-то принимает из окна набитые костями авоськи и помогает привязать к костылям. Кто-то осуждающе комментирует: «Вы что думаете, она всё это одна поест? Я её постоянно вижу... Всё же бессовестная родня – так эксплуатируют калеку!» Кто-то сочувствует: «А если все работают? Здесь только до четырёх торгуют! Считается, только для своих, мясокомбинатовских, а тащатся со всего города». Как-то я побежала мою тётушку встречать, увидела всё воочию, расстроилась до слёз, требовала, чтобы она «прекратила это безобразие». В ответ услышала горестное: «А мне ништяк, моя крапивка, я таковская! Я и свою семью могла бы так же обхаживать – я здоровая! Да старший браток мой, папочка твой любимый Котик, замуж меня не пустил... Пожалел, вишь, сказал, что всё равно бросит... С ребяёнком! А кто вас всех тетешкал, моя крапивка?! Разве хуже справлялась бы я со своим кровным дитём, даже если бы осталась «брошенкой»?

«Ну что, достроили свою смотровую яму?» – подавленно спросила я.

«У нас с вами есть гораздо больший повод радоваться, мои дорогие!.. – отец сделал глубочайшую паузу, со значением посмотрел на нас. – Но это, так сказать, несколько отложенная радость. Колебался даже, не преждевременно ли... Однако! – как мы с вами уже имели возможность убедиться: организация наша надёжная и слов на ветер не бросает», – отец смотрел то на маму, то на меня, как бы подталкивая к отгадке. «Тебе путёвку в Трускавец выделили?» – предположила я. «Держи выше планку, доча!» – «Дали путёвку в семейный пансионат на нас троих». – «Идея хорошая, но планка выше!» – «Ну, уж я и не знаю, куда ещё выше...», – сдалась я. «А ты, Женюша?» – «Интересно, что скажет мама, – подумала я, – она-то ведь точно знает». – «Мы въез-жа-ем в новую квар-ти-ру», – мама красиво продиктовала по слогам, будто сидели перед ней не мы с отцом, а её давнишние любимые третьеклашки. «Шутите, да? Вам сегодня не первое апреля! Расшутились **о**не!» – скептически ухмылялась я. – такого не бывает! Чтобы улучшить жилищные условия третий раз за три года!.. Надо мной и в этой квартире потолок не прокапал».

Обиделся отец. Была возмущена мама. И сухо, как чужой, пояснили: «В нашем городе (и на папином предприя-

тии тоже) есть жёсткий план жилищного строительства, строгий контроль за распределением жилья. В первую очередь – остро нуждающимся, потом улучшают – в зависимости от обстоятельств и личных заслуг человека, стоящего в очереди на жильё, а с очереди не снимают, пока не придёт всё в соответствие: девять квадратов на каждого члена семьи, отдельные комнаты для членов семьи разного пола... ну и т.д. И что, разве у взрослой девицы глаз нету – не видит она, как быстро развивается «столица Зауралья», вот у нас уже три высших учебных заведения: сельскохозяйственный, педагогический, машиностроительный институты, в перспективе – высшее военное училище... А новые заводы открываются!.. Сколько рабочих рук нужно! И жилья! Вот и папе выделили *сначала* комнату в доме общежитского типа...» Тут я осторожно фыркнула: «Вообще-то не понимаю, что нам была за необходимость из только построенного большого бабушкиного дома перебираться – в общежитие!..» Папа с мамой сокрушённо переглянулись: дурна девка. Ну, что с ней возьмёшь?! «Дом большой – а жить, беда, неловко! – сказал папа. – Места вроде всем хватало, но все против воли ущемляли друг друга. Забыла, как мы втроём теснились в восьмиметровке, и наша с мамой кровать была почти впритык к твоему диванчику, а тумбочка была твоим учебным уголком... Вот мы с мамой сразу посоветовались и решили разрядить обстановку – я перешёл с завода в СМУ, кстати, меня сразу поставили в жилищную очередь, причём из жилищной комиссии приходили, смотрели, так называемый наш большой дом. По сути, он достаточен только для Леонида с его семьёй». Взволнованный разговором с бестолковой дочерью, отец умолк. Начала свою партию мама: «Хорошо, что руководство СМУ сразу оценило высокую папину квалификацию, и без проблем оставило его в очереди на улучшение... Комната наша, на Проектной, хоть и была в три раза больше той, в бабушкином доме, настолько, что мы даже ширмой выделили для тебя кусочек автономного пространства. Выходила дверь нашей комнаты на общий длинный коридор, а готовили мы тут же в комнате на примусе... Ты что, не помнишь, разве?!» – «Ну, а теперь-то: у нас целых две комнаты, и даже у каждой свой выход в прихожую...», – незнамо куда и зачем гнула я.

«А, правда, Надюша, – с каким-то сердито-весёлым огоньком в глазах перебила меня мама, – здорово, что за смежной

Вот она – наша школа № 28 ст. Курган Южно-Уральской железной дороги, для нас – самая прекрасная, навсегда любимая. Простое, без архитектурных наворотов здание. С просторными, светлыми и тёплыми классами. Нам там было расчудесно!!!

**Школьную дружбу
нашу свято храним
всю жизнь!**

**Слева направо:
Надя Gladkova,
Галя Ananьеva,
Нина Kazanceva**

Соревнования по лёгкой атлетике между командами железнодорожных школ Ю.-У.ж.д. Это команда нашей, 28-й

НАШ ВЫПУСКНОЙ, 10-А. ЕЩЁ ЧУТЬ-ЧУТЬ – И МЫ РАЗЛЕТИМСЯ. ПОСЛЕДНЕЕ ФОТО. ТАКИМИ И ЗАПОМНИМ ДРУГ ДРУГА.

НА СНИМКЕ (СИДЯТ), СЛЕВА НАПРАВО: Герман Викторович Афанасьев (рус. яз. и лит.-ра.), Мария Михайловна Авдеева (биология, анатомия), Павел Георгиевич Русских (директор), Розалия Борисовна Валкина (нем. яз, класс. рук.), Евгений Александрович Даровских (история, завуч), Елена Васильевна Кишмирешкина (математика) и Нина (физ.-ра, прошу прощения, отчества, фамилии не помню), только после окончания вуза, меж собой её называли «Ниночка»;

СТОЯТ, В ПЕРВОМ РЯДУ: Юрий Теплов, Людмила Алексеева, Владимир Солдаткин, Галина Кошомкина, Нина Герасимова, Нина Арефьева, Нина Шведова, Лидия Потина, Галина Белобородова, Алла Солдатченко, Маргарита Лисихина, Юрий Токарев, Юрий Васильев;

СТОЯТ ВО ВТОРОМ РЯДУ: Анатолий Весловский, Владимир Карпов, Раиса Новгородова, Нина Осипова, (далее, прошу простить, имя-фамилия девочки, недавно пришедшей к нам, написаны неразборчиво), Раиса Дегтярёва, Людмила Екимова, Надежда Гладкова, Анжела Калединцева, Людмила Иванова, Валентина Ежкова, Тамара Ганцова, Борис Городничев;

СТОЯТ В ТРЕТЬЕМ РЯДУ: Надежда Чижкова, Юрий Тарасов, Лев Ершов, Галина Ананьева, Алексей Храмов, Владимир Галанин, Надежда Тюленева, Алия Лютвина.

Вот и вся моя семья: родители Евгения Никитична и Константин Самойлович Тюленевы и мой – многожданный братик и крестник – Адександр. Сашенька растёт. Родители всё ещё молоды. Я – счастлива!

Которая в очках, в центре, на заднем плане, это я – инспектор Линейного отдела милиции ст. Курган Ю-У.ж.д. На лыжной вылазке со студентками КГПИ и «трудными подростками». Самый маленький (стоит впереди меня) пока, слава Богу, никакой не трудный, неразлучный мой дружок, брат Саша. Вторая слева – Наташа Дружинина, ныне переводчица КНИИКОТ им. Илизарова

Сидят они себе на высоком бережку, бабушки да внучатки. Пасут козочек. Солнышко светит. Ветерок веет. Под горой Тобол течёт. В Божьем мире – Божии человеки; равно – дети Третьего Предела Богородицы

Самые тёплые воспоминания детства (считай, у каждого) связаны с бабушками. Бабушка Анюта (моя дорогая тётя Анна Самойловна) – со своими любимыми «крапивками» – а мы все у неё были «крапивки» – с «племяшкой» Олей и внучкой Яночкой

А это – моя самая-самая родная подружка: с первых наших шагов по родной земле до последнего её земного дыхания (ах, не подождала, ушла первой!) – нас одни руки в роддоме принимали (моей бабушки Александры), всё детство мы через дорогу в гости друг к дружке бегали, переписывались 70 лет... Галинка Малахова в детстве. Галина Арсеньева Бобкова с внуком Колей

стенной – ещё семья Гусевых и двое маленьких «гусят»? И замечательно, что утром в туалет – очередь, умыться – очередь! И совершенно великолепно, что в малюсенькой кухне два кухонных стола, две плиты, и две хозяйки шлёпают друг о друга попами. А как не впасть в восторг от того, что нет ни ванны, ни душа: из ковша над тазиком окатился – и куда с добром, а комфорта желаешь – топай в общественную баню, сиди в очереди, после баньки – дуй домой по морозу... Нет, мы живём в условиях – лучше не надо».

«Между прочим, мы дом наш ездили с мужиками смотреть: коммуникации к нему были подведены сразу (теперь, слава Богу, с этого начинают), дом построен. Осталось: остекление, отделка квартир и благоустройство двора», – докладывал отец маме, будто я для них улетучилась, даже дух мой выветрился. «Ага, – процедила я, – известно: это «осталось» означает начать да кончить, скоро сказка сказывается!..» – «Котя, а расположен-то дом где-нибудь в районе новых застроек, на окраине?» – я же видела, подыгрывает мамочка папе Котику. «Может, это и было когда-то окраиной – конец улицы Гоголя, но ведь она пересекает главную площадь города, и наш дом в двух кварталах от неё! Что ещё удивительно – у нашего дома общий забор с корпусом машиностроительного института, так что, если кто из молодежи нашего дома будет учиться в КМИ, это просто мечта!» – «Пфф, сроду об этом не мечтала! Нужен-то мне этот КМИ», – пыталась я вклиниться со своими репликами. А родители продолжали свой оптимистический диалог. «Да, Женюша, наш дом будет телефонизироваться, я сразу же и заявление подал, обещали». Я опять вякнула: «Ага, Улита едет – когда-то будет! – а через паузу прибавила тоном знатока, ещё и указательный палец вверх воздела, – И потом: это каким же надо быть заслуженным человеком, чтобы тебе квартирный телефон поставили! Заслуженный же это, когда всю жизнь на одном месте, вот как дядя Костя, отец Люси Алексеевой, пришёл на железку после училища, так и водит составы всю свою жизнь. И всю войну водил! Всё – для фронта! А живут в старом деревянном домике, и что-то никто заслуженному машинисту улучшить условия не предлагает». Мама рассмеялась: «Так, может, Алексеевы и сами не хотят в каменную многоэтажку... У них огород возле дома, озеро для полива прямо у порога... Что касается, твоего отца, Надя, любимого твоего папы Котика, он и есть такой

заслуженный человек! А награды его – настоящие боевые награды...» – «Чайку, что ли, заварить свеженького – первая чашка как-то мимо прокатилась, – поставил точку в обсуждении темы отец, – ты сиди, Женюша, я сам поставлю, разомнусь маленько, что-то ноги затекли», – и пошёл на кухню. Я было отправилась на боковую, так мама же остановила меня: «Подожди, Надя, во-первых, могла бы ты опередить отца и сама поскорее бы чайник поставила. А во-вторых, у нас же с тобой для папы тоже есть новость». Я понимала, что меня куда-то не туда повело, что испортила я радость и моим родителям, и себе, а моя новость вдруг показалась мне ничтожной, только для меня одной значимой и утратила всякую привлекательность. «Мам, скажи ему сама! Я хочу спать!..» – «Это что ещё – какому такому – «ему»?!» – строго глянула на меня мама. – Отец, что тебе – дядька с улицы?!» – «Ну, скажи папе сама! Подумаешь, достижение! Там таких конкурсантов небось из каждой школы – как собак нерезаных! Мне главное не конкурс, а чтобы вместе с девчонками в Челябину скататься...» Мама посмотрела на меня: «Но я никогда не видела тебя столь увлеченной – ты строчила в тетрадке, как одержимая. Ну, иди уже, ложись спать, девочка-крапивка». Известно же, крапивка жалит не из вредности, а по природному свойству.

Глава 17

КАРГА-СОВЕСТЬ СПАТЬ НЕ ДАЁТ

Какие спать! – будто я давным-давно выпалась на целую жизнь вперёд – сна не было ни в одном глазу. На меня валились одно за другим воспоминания... Стою в сороковом в очереди за увальским хлебом... Кто-то длинный за мной вскочил, странные тоненькие колокольчики где-то у земли звенят и звенят... Оборачиваюсь – так наш же сосед, Володя Воробьев со второго этажа, иногда вижу – мимо моего окна пробегает. Длинный, худющий. Ещё бы – с чего ему разжиреть: работает на заводе, учится на вечернем факультете, занимается в аэроклубе. Мы ещё не знакомы, просто слышали, наверное, от родителей друг друга имена. «Привет!» – говорит он и делает шаг вперёд вместе с чуть продвинувшейся очередью – и колокольчики у самой земли снова звенькнули. Глянула вниз – глазам своим не поверила: новенькие ярко-зелёные Володины брюки-клёш оторочены на уровне ботинок тесьмой с нашитыми крохотны-

ми колокольчиками. Раскрыла рот, смотрю на Володю – слова молвить не могу. Наконец, обрела дар речи: «Из Москвы привёз?!» – «Хочешь верь – хочешь нет: сам сварганил – сам кроил, сам шил!» На Володю пялилась вся очередь. Щёлкали языками. Мотали головами, ахали: «Во, молодец! Во, даёт!» – и непонятно было – порицают или восхищаются. Вот Володя со своими клешами и стал одним из главных персонажей моего сочинения. Он настолько потряс меня, что идея рассказа явилась мгновенно, я тогда и припустилась с буханкой скорее домой, к ждущей меня зелёной тетрадке.

Потом в бедной бессонной голове удрученный голос тёти Кати произнёс: «...эта твоя так называемая подруга». Замелькали картинки нашего с Люсей лодочного путешествия на «необитаемый остров»: бултыхание под шпалой, подпирающей полузатопленное ограждение элеватора; мгновенно сменявшиеся декорации – сумеречное затаившееся небо; мятущиеся лиловые зигзаги молний; гром, с треском пластавший небесное полотно; потоки холодной воды на наши спины; лодка, не поддающаяся управлению единственным веслом – уже всё, уже «щас придёт конец!» ... И тут – как в кино – во весь экран – лицо тёти Кати. Такое значительное – ну, прямо с плаката: Родина-мать призывает к защите гибнущего Отечества. Тяжёлый узел волос, оттягивающий голову назад, делает осанку почти монументальной, мокрая прядь волос пересекла наискосок высокое чело. В глубоких, кажущихся чёрными, глазах – страдание и гнев... Был всего только миг, когда я взглянула в лицо Люсиной мамы... Почему сейчас?.. С закрытыми глазами, я вижу всё в таком приближении, до мельчайших тонкостей – морщинки у глаз и в уголках рта, две глубокие – у переносицы, вода – ручейками течёт, течёт по лицу, заполняя морщинки... Только сейчас в полной мере ощутила я ужас этой величественной женщины, поняла, откуда он... Ведь она уже потеряла одну свою дочку... А тут, в этом дурацком мелком озере-тарелке, всё же никогда не пересыхающем до конца даже в самое знойное лето, ниоткуда берутся бездонные ямы! И мелкое-мелкое, а вода – ледяная; и майский дождь – не июльский, считай, снеговая вода... Воспаление лёгких – вот оно, мы вас долго ждали!.. Беда вилась где-то рядом. Мать почувствовала это и полетела спасать своё дитя. Мощно, яростно тянула она лодку и гнала нас впереди себя, чтобы не упускать свою девочку, свет очей своих, Люсеньку

свою, из виду. И какова же я в глазах этой женщины, «так называемая подруга?!» Вспомнилась интонация моей бабушки Марии Ермолаевны: «Манихвостка!» – по отношению к заходившей за мной однокласснице Рите Лисихиной – хотя никуда она меня не манила, сама я по доброй воле шла с ней позаниматься математикой – у неё дома. У них с её старшим братом Володей были отдельные комнаты. А у нас бабушка время от времени подходила посмотреть – точно ли занимаемся и уж не играем ли в карты, хотя карты в доме имелись только у тёти Ани и те лежали в ящичке «Зингера», она на них гадала, и в них играть было нельзя – а то «врать начнут». Мне было обидно это слышать – «манихвостка», но Рите-то ещё обиднее, не было же у неё никакого хвоста! И когда Рита стала покрепче в математике, меня больше никто не «выманивал». Вот – я для Люсиной мамы была просто опасная «манихвостка».

Я извертелась вся, подушку так и этак поворочу, и просто посижу с закрытыми глазами, ощущая даже через штору льющийся в окно свет дворового фонаря. Мама мышкой поскреблась и вошла: «Прости, а я слышу – ты не спишь...» – «Да, и тебе показалось, что тут – медведица в берлоге, так подо мной всё хрустело и трещало!» – сказала я себе под нос. «Но уж раз ты всё равно не спишь, – мама присела у меня в ногах. – А правда, здорово, что КМИ будет у нас под боком? Сколько времени на дороге сэкономится. Папа мечтает, что ни в какой Томск ты не поедешь, а будешь учиться на инженера дома, а потом будете вместе на его работу ходить, в его любимое СМУ, – мама нашла мою ладонь и вопросительно погладила её, – а, донька? Как тебе эта идея?» – «Мечтать не вредно!» – я натянула на голову одеяло, свернулась в клубок и бахнулась набок, думала – на подушку, но вцепилась лбом в стенку. Звук получился основательный. Мама, хихикнув, вышла. Однако вскоре вернулась, размешивая в стакане воды ложку меда: «Выпей, донька, сладкий сон приснится...»

Милая моя мама, такое было время... Ты и медовую водичку, и подогретое молочко среди ночи спешила принести... Но никогда просто осенить крестом и сказать: «Благослови, Господи, на сон грядущий!..» Не было бабушки Александры, чтобы взять этот невесомый благой труд на себя... А бабушка Мария, понудившая выучить меня с её слов несколько молитв, жила отдельно и уже не пыталась даже учить этому внуков от младшего сына...

Глава 18

«НУ ВОТ, А ТЫ БОЯЛАСЬ!»

«Дневник свой не забыла?» – прыгнула ко мне Люся с подножки вагона. Я ответила почти паролем: «Уговор дорожке денег! А ты?» – «За кого вы меня принимаете!.. – вскричала она, смеясь, – идём скорее – я нам места заняла. На верхних полках!» Радость в нас просто фонтанировала! Со смехом, как на крылышках, взлетели мы в вагон. Его загнали в тупик и прицепят к составу транзитного поезда ночью, когда мы будем спать. А пока из вагонных окон доносились голоса, радостные и даже ликующие, звучали разные музыкальные инструменты... Кто-то дробил чечётку... Нет, не репетиция, просто всех охватила радость предстоящего общего пути, общей значительной цели.

...Ну, что сказать о нашем путешествии и про Челябину? О нашем участии в смотре? А ничего не могу сказать, потому как, оказывается, ничего не запомнила. Всё, что всплывает в памяти, – случайное, не значащее. Дождь всю ночь колотил в крышу вагона, соперничая с перестуком колес... А в Челябинске встретило нас яркое и спозаранку уже горячее солнце; оно прямо на глазах высушивало лужи; тополиные серёжки почти сплошняком покрывали асфальт. Умопомрачительный запах тополёвых почек щедро сдабривал утренний воздух. Очень жаль было, что мы очутились в разных местах: певцы, плясуны, музыканты – в одной точке; мастера-умелые руки – в другой и жалкая кучка сочинителей – в третьей. До слёз расстроилась я, так и не увидев Люсенку в её искромётной «Молдовеняске». Нет, на репетициях в нашем ДКЖ я ею налюбовалась, но выступление на смотре! – оно представлялось мне запредельной красотой! И вот меня лишили этого восторга. Под конец нас всех собрали в одном зале, всех и каждого благодарили, поздравляли. Но грамоты награждённым не вручали, а передали руководителям, чтобы чувствовали призёров в школе на общем празднике, например, 1 Сентября. Так что я и в глаза не видела грамоты или диплома, коим был удостоен мой первый в жизни (и единственный! – я не сомневалась) рассказ «Новенькая». Так же и наши артисты, и моделисты. Впрочем, огорчение было мимолётным, никто, по-моему, и не запечалился. Грамот ребята для родной школы добыли немало, а главное, – никто нашей радости совместного путешествия и честно выполненной работы отнять не мог. Нас с Люсей ожидала са-

мая волнующая часть поездки – обмен дневниками. Опять тупик, уже на станции «Челябинск»; скучающий без нас в одиночестве наш вагон... Не отложилось в памяти – где, как и чем мы подкреплялись (в столовой ли, тормозки ли у нас были), всё затмило предвкушение волнующих откровений. Еле-еле дождалась мы, пока наши попутчицы удалились пообщаться с другими девочками в соседнее купе. «Так ты, может, забыла свой дневник?» – прищурилась Люся, извлекая из тётки Катиного, «взятого напрокат» ридикюля синюю клеенчатую тетрадку. «Да взяла, взяла!» – отвечала я. Мама тоже дала мне свою плоскую чёрную сумочку, форматом чуть длиннее школьной тетради. Пальцы мои отчего-то дрожали, и я не могла справиться с простенькой застёжкой, крутила туда-сюда, дергала вверх-вниз – пока не сломала. «Надюша, – изобличительно рассмеялась Люся, – да ты, кажется, волнуешься? Что там у тебя случилось – давай я тебе помогу. Бери мою тетрадку, а я достану твою...» Я взглянула на Люсю. Она смотрела на меня с любопытством, мне показалось, как на подопытную зверушку. Лицо у неё было бледным. Зато у меня, как всегда в моменты смущения, полыхало маковым цветом. Я решительно спрятала сумочку под подушку: «Нет! Я – передумала!!!» – «Вот тебе на! А кто ещё вчера вечером вопил «Уговор дороже...»? Чего ты испугалась?» – припирала меня к стене Люся. «Ничего я не испугалась... Но в дневнике же не только про... **ЭТО**... И потом я и так **знаю**: и ты, и я... про **одного** человека думаем» – «Ну хорошо, – как бы пошла на уступку Люся, – давай я только назову имя-отчество этого человека, а ты только скажешь «да» или «нет». Согласна?» Отчаянное «Нет!» вырвалось у меня. «Да почему?! – разгорелась Люся. Ведь она привыкла никогда не отступаться от задуманного. – Ну хорошо, хорошо. Называем только инициалы. Всё! Считаю до трёх!» И Люся красивым своим звучным голосом отчётливо проартикулировала: «**Е.** – после иезуитски длинной паузы – **А**». Я рухнула физиономией в подушку. Люся нервно смеялась: «Ну, вот и всё! А ты боялась! И совсем не страшно».

Глава 19

«А ЕСЛИ СПРОСЯТ ПРО ЭТО?..»

Десятый класс не просто пролетел – просвистел. Я успокоилась: больше никто не предлагал мне пересдачи моих четвёрочных результатов за девятый класс,

не требовал от меня во что бы то ни стало пятёрки в последнем году обучения. Училась честно, но без напряжения. И почти всегда пребывала в безоблачном состоянии духа. Так нет же! – наехали: а чего ты не вступаешь в комсомол? Ужас! – дотянула до десятого класса! Недоумевали, стыдили, увещевали, домогались – с чего такое упрямство-то, где собака зарыта? «Да не хочу – и всё», – тускло отвечала я, опустив глаза. Последней из комитетчиков взяла меня в оборот Люся Алексеева. «Пустили тяжёлую артиллерию», – обречённо подумала я. На перемене утатила меня Люся в укромный уголок возле библиотеки и ласково приказала: «Надюша, ну-ка прямо посмотри мне в глаза! Скажи, в чём дело!..» – «Давай не будем ссориться, – страдающим голосом попросила я. – Вступлю – не вступлю, что вам всем до этого? Счастливей или несчастней станете?» – «Я тебя не понимаю, Надя! Ты же вроде... как бы не обидеть тебя...» – «Не обидишь! Я сама знаю, что я с этим... с приветом!» Зазвенел звонок, и мы потянулись на урок. «Ну, – перевела я дух, кажется, последняя атака отбита». Ага, как бы ни так!..

Осень стояла офонаренная!.. Большинство ребят ходили даже без курток и все с непокрытыми головами. В нашу сторону, по улице Отдыха, всегда набиралась целая ватага. Люсе Алексеевой надо было через озеро, а мне под прямым углом – с другими девочками... Мы попрощались отстранёнными взглядами. В голове мелькнула пошлая фразочка «Разошлись, как в море корабли...» Сама рассердилась на себя: «Такого не случится ни-ког-да!»

...Ужинали мы с мамой вдвоём. Папа возвращался как всегда поздно. Охотно соглашался на сверхурочную работу. Мама объяснила мне: «Очень уж хочется ему машинку купить. Вон с Леонидом уже общий гараж построили со смотровой ямой. Леонид через полгода точно купит. А нам копить да копить... Такая у отца, Надюша, психология. Себе – в последнюю очередь». – «А чего же он сестру замуж-то не пустил?» – невпопад спросила я. «Да он уже и сам себя не раз корил. Как-то вспоминал... Маленькие ещё были... Но ему, как старшему, много приходилось по хозяйству делать. Папа его, Самуил Павлович, туберкулезом болен был, так что «Костюшка», как его отец называл, рано за главного мужика в семье стал. И вот привёз сено с лугов, в овин складывает, и что-то ему песенка почудилась. Заглянул в стайку, а там Аннушка... Одной ручонкой столб, который в сере-

дине стоял и крышу подпирал, обняла и вот вокруг столба, припадая на больную ножку, кружится, наплясывает, а другой, с платочком, помахивает и поёт: «А я медведя испугалась да во часты кусты бросалась, эх, калинка-малинка моя, да во часты кусты бросалась! А ты, медведь-медведь, мой батюшко, да ты не тронь мою коровушку. Ох, не тронь мою коровушку, да не губи мою головушку! А я коровушку доить буду да малых детушек поить буду!» И когда рассказывал мне про это, даже заплакал... А недавно Анна спрашивает меня: «Тут ко мне сосед сватается... Старый... Не знаю, что и делать... О молодом да красавце, понятно, мне и думать нечего... А вот мама умрёт... страшно мне одной оставаться».— «Мам, ну и что ты ей посоветовала?!» — я тоже прикинула, что бы можно было посоветовать в такой затруднительный момент. «А я сказала Аннушке: «Пригласи его на чай, накрой стол — как для дорогого гостя, и просто посмотри, послушай, как он кушает...» Она удивилась, но именно так и поступила. Потом рассказывает и смеётся: «Какой, говорит, сношенька, ты мне дельный совет дала. Как стал мой кавалер вставными челюстями хлопать да чакать, а потом во время еды у него в животе как всё заурчало да заклокотало, еле вынесла я до конца это чаепитие... И за него, «жениха», неловко, и за себя смешно и стыдно. А на первое впечатление, — такой приятный мужчина, пришёл и сразу же полочку мне над туалетным столиком приладил, и только припевает «Анечка» да «Анечка», и старается бережно так по плечу, по спинке погладить, и стряпню мою нахваливает. И уверяет: «Мы хорошо с тобой заживём, Анечка». — «Мама, а ты знаешь... — такой подходящий мне для этого момент показался, и я сменила тему. — Я последняя в нашем классе и во всех выпускных, наверное, всё ещё в комсомол не вступила...» — «Да вот и я смотрю, — весело сказала мама, — октябрёнком была, пионеркой была... От комсомола тебя какая-то сила отводит?» Я и не знала, как спросить, я стеснялась спросить об этом... «Мама, а вот будут про родителей интересоваться... — всё, дальше язык мой не мог произнести ничего... — И что? Я должна рассказать про папу?» — «Если спросят, так и скажи... Передовик производства. Рационализатор... Участник войны... Был ранен... Имеет награды».— «А **про это**, мама?! **Про это** — промолчать?!» — «Про «турму»-то, что ли? Если бы спросили, ты должна была бы ответить. Но если человек своё наказание отбыл, судимость с него

снята, напоминать ему об этом противозаконно. Если, конечно, этот человек снова куда-либо ещё не вляпается, — мама вздохнула и привлекла меня к себе, — папа твой такой горячий...» — «Я тоже боюсь за него, мама, особенно с его сверхурочными...» Тут зазвенел входной звонок. Мы переглянулись. «Давай ещё раз перекусим, донька! — предложила мама. — Отцу будет приятно... Ничего, мы с тобой по чуть-чутьке, за компанию». — «Чтобы Котику веселей было, да?» — «Да, и чтобы нам всем теплее стало». Да у нас вроде и так не холодно было, но я маму поняла.

Глава 20

ХОТЬ ПОГИБАЙ, НО ТОВАРИЩА ЛЮБОЙ (?) ЦЕНОЙ ВЫРУЧАЙ

«Здрась!!! — пробормотала я, налетев на **Него**, выбегая после уроков из класса. — Простите, я нечаянно!» — «Да уж, надеюсь, — сказал **Он**. — Кстати, сударыня, вы помните, что завтра в повестке дня комитета комсомола — и ваше заявление о приёме?» (Наш молодой завуч сам ещё не вышел из комсомольского возраста и был приставлен от педсовета помогать комитетчикам). «Да помню, помню я», — расстроенно ответила я, бросившись обратно в класс, и там попала в объятия Люси Алексеевой. «Ну, что случилось? Чего ты разлеталась туда-сюда-обратно?!» — смеясь, спросила она. «Ты знаешь что?! Я передумала!» Она смотрела на меня, взглядом требуя пояснения и уже догадываясь — о чём это я. «Ну... передумала... в комсомол вступить...» — «И что у нас случилось?» — с насмешливой заботливостью спросила она, как доктор спрашивает больного. «Ничего. Просто передумала — и всё». В классе уже никого, кроме нас, не было. Люся за локоть отвела меня к окну. За окном на глазах портилась погода. Солнце, с утра призывавшее сбежать с уроков, само куда-то сбежало. Ветер, изменивший направление, гнал озёрную воду на берег. Редкие крупные дождевые капли забарабанили по стёклам.

«Если до тебя всё ещё не дошло, Надя, объясняю ещё раз. Куда бы ты ни поступала, везде тебя ждёт одно и то же. После сдачи вступительных экзаменов, из двух абитуриентов, набравших равные баллы, зачислят... знаешь, кого? Правильно, зачислят комсомольца». — «А некомсомольцы — не люди, что ли... — пробормотала я. — Ну, что вы все тянете меня, как корову на

баню, в этот комсомол...» – «Ну, во-первых: у нас только **ЭТОТ** комсомол и есть, и никакого другого! А во-вторых, Надежда, моё терпение иссякло, все эти твои, извини, идиотские метания «быть или не быть, иль надо оказать судьбе сопротивление»... Попробуй меня подвести – не явиться завтра на комитет! Понимаешь ты, я **Ему, Ему** (!) сказала, что твоё решение – твёрдое!» Выкатились мы из класса: одна – пониклая, как мокрая курица, другая – воплощённый гнев и парение.

Дома через великую неохоту приготовилась к завтрашнему расписанию и с тоской сердечной улеглась спать. Как ни странно, заснула сразу, но потом часто просыпалась, и в этих коротеньких засыпаниях мне являлись два моих уж не столь отдалённых «подвига». Один даже раскрыла в нашей классной «стеннушке» Галя Ананьева.

Предупредила нас наша «биологиня», Мария Михайловна Авдеева, она же «баба Маша» и она же иногда «бацилла», что намерена нам в присутствии завуча устроить фундаментальный контрольный опрос: шесть человек, сидящих за первыми столами, будут отвечать письменно по билетикам и шесть человек – устно, у доски, разделённой на три части: трое и потом ещё трое. То есть, поскольку урок был последним в четверти, двенадцать человек имели шанс улучшить свои четвертные отметки. Дело было в кабинете химии, бывшем одновременно нашей классной комнатой. Столы там стояли в три ряда. Учительский стол находился перед подиумом, довольно высоким, ну уж точно не ниже 30 сантиметров. На подиуме, равном по длине классной доске, возвышался лабораторный стол, с боков и лицевой стороны, зашитый коричневой фанерой, с тыльной же, обращённой к доске, имел как бы нишу для учительского стула, вдруг понадобится. Кафедра отстояла от доски примерно на метр.

Справа от подиума был вход в лаборантскую. Слева от подиума – вытяжной шкаф. А в узком пространстве, между окном и подиумом, перед вытяжным шкафом, и боком по отношению ко всем сидящим за столами, была дополнительно втиснута парта – на случай, если по расписанию занимается класс, где по списку больше учеников. Наш случай.

Общим голосованием решили, что сегодня за этой партией должны сидеть Алексеева и Тюленева. Кто-то подглядел в журнале, что человекам десяти четвертные оценки «баба Маша» уже выставила. Мы были в этой беспроектной десятке. Наша парта стояла у окна за спиной учителя, и нам

надо было вести себя так тихо, чтобы наша Мария Михайловна просто забыла о нас. Но уже после звонка на урок возникла паника – это всполошилась наша Галя Белобородова, вдруг «открывшая» для себя, что ни в зуб ногой в теме «Кровеносная система». Поступило предложение: кто-то пусть влезет под кафедру и, когда возникнет затруднение у готовящихся к ответу у доски, протянет им руку помощи – то есть странички из раздербаненного «для нужд класса» учебника. Этой рукой помощи должны были стать или я, или моя соседка. «Я не могу, – сразу отказалась Люся. – Я большая. А там тесно. Лезь ты». – «Уже «баба Маша» из учительской вышла!» – закричали с задних рядов. «А завуч с ней?» – спросила Люся. «Да нет-нет, полезайте уже хоть кто-нибудь!» – был ответ. «Полезай скорее, пока не вошёл!» – и Люся услужливо выдвинула из кафедры стул – пожалте, вход открыт. Я нырнула в темноту. А ведь могла бы сообразить, что влезать удобнее пятой точкой вперёд. Пришлось разворачиваться, чтобы быть головой к свету, а главное – сориентироваться в страничках распетрушенной «Анатомии». По тому, как внезапно установилась гробовая тишина, сообразила: завуч вошёл! Мария Михайловна раздала билетики с вопросами шестёрке отвечающих письменно и вызвала первых трёх к доске. Я сориентировалась с листочками и расположила их ступенчато, чтобы видны были картинки и подзаголовки. Как мы и предполагали, Белобородова Галя оказалась в первой группе.

Просто ужас, сколько пыли под кафедрой, вся перепачкалась, и в носу засвербило зверски. Ой, сейчас чихну! Прижала фартук к лицу, зажала рот, тру нос. Ко мне тянутся кончики дрожащих Галиных пальцев, ловят пустоту, а я не могу оторвать своих рук от лица. Удалось всё же передать листочек. И чох страшными усилиями воли удалось не предотвратить, но максимально заглушить. Было похоже, что под кафедрой чихнула мышка. На подиум протопали ещё две пары ног. Я ловко приготовила для ребят «скорую помощь». Но никто рук ко мне не совал, слава Богу, значит, не нуждались. Мне из моего укрытия было хорошо видно, как ребята ловко перегруппировались, чтобы дать Гале возможность подсмотреть шпаргалку. Я расслабилась. Хотела сменить позу: с корточек перейти на коленки, и стала терять равновесие; пытаюсь выправиться, привалилась на стенку кафедры... Нет, она не поехала, а стала выворачиваться из пола. Оказывается, у неё были малюсенькие ножки, и они были

вставлены в такие же неглубокие квадратные лунки – ну, просто, чтобы кафедра не елозила. Как-то это всё я скумекала, также и то, что сейчас произойдёт нечто катастрофическое и позорное. Не знаю, каким силам взмолилась: наверно, как в детстве: «Защити!» Сильный толчок в торец кафедры выправил её. И тотчас голос Марии Михайловны, вероятно, поворотившей голову (баба Маша всегда поворачивалась всем корпусом) в сторону окна: «Алексеева, что там у тебя происходит?!» Последовало невинное объяснение: «Ой, Марь-Михална, парта такая неудобная – прямо ногу судорогой свело!» – «Сочувствую, Алексеева, – изображая смех, проскрипела баба Маша, – знаю по себе, каково это!» В другое бы время класс грохнул от смеха, – но тут стояла мёртвая тишина. Троица между тем адаптировалась и дружненько по очереди ответила на свои вопросы. Не помню, не знаю, кому и что поставили, как протекал далее и чем закончился урок; я, как спасения, ждала звонка. Мне казалось, ещё минута промедления – и я сдохну под этой кафедрой, скрюченная, пыльная и позорная.

Такой я и приснилась себе. Кафедру, как кожух, сняли, поставили рядом с подиумом. Вокруг столпились все, кому не лень. Много, но все без лиц. И предстала я перед народом лежащей на полу: скрюченная, вся в пыли и позоре. На моем плече была бумажка, которую кто-то пригвоздил ученической перьевой ручкой, словно боевым копьем. На бумажке было написано большими печатными буквами: «Собаке – собачья смерть». Странно, что, уткнувшись лицом в согнутый локоть, я всё это видела... «Кто, кто это сказал-то?..» – спросила я, но голоса своего не услышала. Зато ответ был громким: «Кто сказал – тот сказал!» От этих слов я вскочила, по инерции пытаюсь вытянуть из плеча перьевую ручку. Ручки, конечно, не нащупала, а принялась растирать ладонью точку боли.

Не зажигая света, полупроснувшись, побрела на кухню выпить воды. Когда шла обратно, в коридорчике столкнулась с мамой. «Ты что-то кричала во сне... Сон плохой снился? – мама коснулась ладонью моего лба – нормальный. – Виновата я, донька. Не надо нам было к папе присуседиваться второй ужин есть... Я тебе сейчас таблеточку дам». – «Не, не надо, мам! Пойду сон досматривать, интересно, чем там дело закончится». – «Мне такое никогда не удаётся, – в один сон дважды не войдёшь, – сказала мама, – ну, а ты попробуй – может, тебе повезёт».

Ничуть не повезло. А явился другой мой «подвиг».

Глава 21 «МООС» ИЛИ ПРОСТО «МОСЯ»

Во время очередных выборов в нашей школе устроили избирательный участок. В день выборов предполагалось выступление наших самодеятельных артистов перед избирателями.

Как обычно, мы, старшеклассники, назначенные дежурить – то есть встречать и провожать избирателей-гостей нашей школы к столам для выдачи бюллетеней, к урнам для голосования, в зал на концерт, в буфет и, наконец, к выходу, явились не только своевременно, но и пораньше. Многие избиратели (иные – с детьми, иные – с внучатами), исполнившие свой гражданский долг, уже и в буфете небезрезультатно побывавшие, расселись в зале в ожидании концерта, жевали пирожки, пончики и прочую снедь, которая здесь почему-то казалась всем особенно приманчивой. Некоторые из малышей, не выдерживая ожидания, начинали носиться друг за другом; музыка, доносившаяся с первого этажа, будоражила их. Взрослые же явно томились. Сцена (доски, уложенные на козлы), обшитая с трёх сторон фанерой, четвёртой, тыльной, стороной почти впритык примыкавшая к стеклянным дверям запасного выхода, сцена была пуста и прямо-таки обдавала скукотой.

Вызывающе задиристый, возмущённый лай заставил публику подскочить. Все зашевелились, стали весело оглядываться, ища глазами нарушителя порядка и тишины. Прозвучала догадка: «Кто-то с собачкой пришёл!..» – «Наверно под сцену забежала!» Народом были обозримы только три, обшитые фанерой её стороны, предполагалось, что и тыльная сторона сцены – глухая. Между тем лай слышался из-под сцены, вернее, из-под разных её уголков. Взволнованная детвора сбилась у рампы. «Ребята! – подошла дежурная старшеклассница – на затылке каштановые косы корзиночкой, надо лбом упругие кудряшки, красная повязка на рукаве, – если вы не знаете, чей это пёсик, давайте называть его разными именами, только не все враз. А по очереди! И когда угадаем, он сам к нам и выбежит!» Идея всем показалась замечательной и была принята с восторгом. Началось организованное выкликание имён. «Бобик! Бобик!» – пауза, в ответ – залиvistый, возмущенный лай. «Шарик! Шарик!» – из-под сцены тот же задорный протест: «Гав!

Гав! – не угадали! Гав! Гав!» Клички сыпались одна за другой: «Тобик! Тобик!» – «Жуча! Жуча!» – «Полкан! Полкаша!» Старшеклассница с повязкой, пытаясь придать переключке какую-то стройность, заполошно махала руками, то и дело поправляла кудряшки и сползающее с плеча крылышко белого кружевного передника. Включились родители и бабушки, стали подсказывать деткам: «Вова, «Белка» кричи!» – «Нина, зови «Моряк!»» Началась конкуренция: «Теперь я, ты уже называл! Я скажу: Трезор! Трезор! – «Дайте мне назвать! Теперь – я, я: Джульбарс!» – «А я – Громобой!» – и всё это на фоне почти не прекращающегося лая!.. Шум, смех! Ребячья беготня возле сцены. Вдруг мужской строгий голос: «Белобородова! Галя! Что тут происходит?!» – завуч (!). Кошмар, только этого не хватало. Собачка где-то в отдалении, как бы огрызаясь, твякнула разок и смолкла. Завуча окружила разгорячённая малышня. Хором рассказывали, как кто-то пришёл с собачкой, а она испугалась, спряталась под сценой, и вот теперь все её выманивают! «Да разве при такой суматохе собачка выйдет?! Есть у кого-нибудь бутерброд с колбасой? Попробуйте выманить её не криками, а ломтиком колбасы!» – предложил находчивый завуч. «А как? Как?! – туда не попасть! – везде загорожено». – «Вот – колбаска!» – подошла чья-то бабушка. Дежурная между тем как бы испарилась. А мы с Галей Белобородовой уже кубарем скатывались вниз по запасной лестнице. Красные, потные, в ужасе и восторге от самих себя.

...Да, это была наша, 28-я, школа. И наше озеро рядом. И «Зелёный базарчик» за нашей школой. И четыре трубы ТЭЦ вдалеке, будто там какой многопалубный корабль рассекает туман... Только школа наша стала выше на четыре этажа... Я открываю с трудом дверь, вбегаю!.. и!.. Представьте – вам каким-то образом удалось удалить середину арбуза... Вот и в здании – не было нутра, одни стены. Но вдоль них по всему периметру, вдоль стен, остались узкие полоски пола... Вдруг в центре пространства на пустом месте не из чего начало возгораться пламя, оно ширилось, почти добиралось до стен и всё же их не касалось. Я побежала вдоль стены первого этажа, уверенная, что смогу перебраться и на следующие этажи – вот по такой квадратной спирали... Что будет после перехода на высший уровень, я не брала в голову. Потому что, оказалось, с этажа на этаж надо было ещё исхитриться вскарабкаться по каким-то кирпичным выступам... Я посмотрела на свои руки – как-то лов-

ко они используют каждый выступ, а ноги пружинят и легко отталкиваются от кирпичных сколов, послушно вознося на следующий уровень. Ма-амочка, да ведь это не руки у меня, а лапы! Лапы-то у меня – собачьи! Стало быть, и вся я – собака!.. Что ж с того! Всё равно надо прорываться вверх!!! Не знаю, что ждёт там... Пламя всё выше и плотнее, поначалу безмолвное, начинает гудеть... Вывалившимся языком ощущаю жар приближающегося пламени... Напрасно глаза высматривают черепок с водой. Может, хоть кто-нибудь знает мою кличку... Мне кажется, что сейчас самое важное, чтобы кто-нибудь назвал мою кличку... И тогда случится чудо – через несуществующую крышу я окажусь... Где?! Где я окажусь тогда?! Ну, чего вы все, куда подевались-то! Неужели никто не помнит, как меня зовут?! Ну, хоть кто-нибудь покличьте же меня!!! И слышу: «На-ай-да-а! На-ай-да-а!» Вспомнили! Спасена!

Мама отгибает уголок одеяла с моего плеча: «Надя, ты просила разбудить тебя пораньше... Вставай – позавтракаем с папой вместе».

На завтрак были отварная картошка с поджаренной ливерной колбасой, грибным соусом и малосольные пузатенькие-коротышки огурчики. Пока я приводила себя в порядок, отец уже приступил к чаю. Глянул на меня вприщур с улыбкой, придвинул мне стул: «О чём задумалась, дивчина, скажи, тебя кто огорчил, какая на сердце кручина? А, доча?» – «Да вот... собачьи сны замучили... И что я подумала... Надо сменить фамилию...» – «Замуж собралась?» – родители оба весело и заинтересованно посмотрели на меня. Я отмахнулась, не забывая при этом забрасывать в рот то навильничек душистой с приправой картошечки, то прозрачный кружок напитавшегося духовитым рассолом ирбитского огурчика: «Представляете, если бы я жила в Германии, ко мне обращались бы: «Фрау Зеехунд!» По-русски просто: «Госпожа Зеехундова!» Отец чуть не свалился со своей широкой медвежьей табуретки, сработанной собственными руками. Сидя на ней, он смолил дратву, подшивал кожаные пяточки к нашим с мамой новым белым чесанкам, чтобы в пору оттепелей не продавливались валенки галошами и дольше носились; вязал рыбацкий невод... И вот с такой-то основательной табуретицы он чуть не свалился. Мама смеялась. «Да нет, я вам совершенно серьёзно... У каждого рода своя же, свыше данная, на весь род, фамилия... Вот скажи, пап, с чего ради, ты – Тюленев?! Знаешь ли ты, что на немецком языке, например, тю-

лень – это хунд, точнее, – зеехунд, то есть морская или озёрная собака? Если фамилию поменять, но оставить её суть, переменится судьба у человека, и в то же время – не рассердишь покровителя твоего рода, ведь никакого же отречения – то же самое, только другими звуками. Правда-правда!» – «Ешь уже, сочинилка, прожевывай, а то подавишься!» – мама подлила мне на картошку соуса. «Ну, что ты так неуважительно, Женюша! Надо: «Госпожа Зеехундова!» Впрочем, «Мадам Озёрная Собака!» как-то роднее». – «Да, давайте так!» – пробормотала я. – Хотя благозвучнее: «Мадмуазель Озёрная озорная Собака». Мама уточнила: «Проще – МООС, а если маленьким именем – Мося». Родители стали смеяться. Я вскричала: «Да, пожалуйста, господа, только не Мосья!»

Ушли на работу родители в отличнейшем расположении духа. А меня ожидало, как я с томлением духа определила себе лобное место. Начнут пытаться вопросами из комсомольского Устава, допытываться, что есть принцип демократического централизма, какие важные события сейчас происходят в нашей стране и за рубежом, кого и как звать из руководителей партии большевиков, советского правительства и Ленинского комсомола, про великие стройки коммунизма – это уж точно спросят. А вдруг про родителя... А ещё, может, кто-то успел прочитать в нашей стенной газете заметку Гали Ананьевой, как я целый урок анатомии под кафедрой провела... Пусть заметка всего полдня провисела, чья-то рука её таки-сняла. Но всё равно несколько классов успели через кабинет пройти, кто-нибудь, да прочёл... Я поняла, что Моя Судьба, как озорная и ехидная девчонка, горазда на всякие каверзы и обязательно вытащит на общее обозрение то, чего я сама в себе стыжусь. Ещё подумала, а вот если бы я не «засиделась в девках» и вступала в комсомол вместе со своим пионерским отрядом, когда всем по 14 лет исполнилось, всё было бы легко и просто. А сейчас буду трястись, дылда такая, среди малышей... Седьмой класс и десятый – есть разница?!

...Когда заседание комитета комсомола закончилось, Люся Алексеева, обняла меня и чмокнула в щеку: «Поздравляю, Надя! Ну, теперь впереди – заседание райкома комсомола». – «О, ужас!» – поёжилась я. «Но отступить некуда: позади Москва!» – Люся ободряюще потрепала меня по плечу.

Мы вышли из школы в тёплые сумерки. Зима, кажется, щадит молоденькую осень и давала ей на прощанье ещё

немного времени – ладно, пусть уж покрасуется, глупышка, в своем пёстром злато-багряном уборе. Поймав янтарный лист тополя, самозабвенно планирующий в светлом конусе уличного фонаря, Люся преподнесла мне лист, словно поощряя за некий славный поступок и в то же время смягчая впечатление от своего ревнивого наблюдения за мной. «Может, я ошибаюсь, конечно, Надюша... Но, извини, мне показалось, что ты – был момент! – чуть не сбежала с комитета, а? Мне даже захотелось, на всякий случай, взять тебя покрепче за руку. Ну-ка, ну-ка, подними личико к свету! – Люся прикоснулась к моему подбородку. – Ага, покраснела!» – «Да ну вас всех с «нашим» комсомолом!» – и мы разбежались. От голода под ложечкой немилосердно посасывало.

Глава 22

НОЧНАЯ ТРАПЕЗА – НЕ ПОЛЕЗНО, НО... КАК ПОЛЕЗЛО

Я вбежала во двор нашего дома. Окно в кухне светилось, штора не была задёрнута. Мама смотрела в окно и сразу, увидев меня, стала манить рукой, что-то говорить – мне не слышно, конечно, было. За её плечом возник папа Котик, и я задёргалась, заприплясывала перед окном, как тростниковая кукла. Родители переглянулись, и мне показалось, что я прочла по губам отца: «А вот и наша Мадмуазель Озёрная Собака!..», а мама, вижу по губам, уточняет: «Мося». И столько безоблачной, какой-то молодожёнской радости было в их лицах!

Толкнула дверь. Аромат только что вынутого из духовки рыбного пирога обволол с головы до пят. Едва справилась с заполнившей рот слюной. «Это наш?! – с вождением спросила, – или Лидия печёт?» – «Неужто не чувствуешь мамин – фирменный! – ответил отец, снимая с меня мою полевую сумку, – небось, полная пятёрок?» – подкалывал, понятно. «А с чего это у нас внеурочный пирог?! Вроде не воскресенье!» – запах горячего пирога сводил меня с ума. Хотела проскочить прямо к столу. «А руки?! – хохотнул отец, – шибко оголодала?» Я тяжело вздохнула и поскакала мыть руки.

Наконец-то приступили к трапезе. Отец начал священнодействовать. Вскрыл верхнюю корку пирога и отпахнул её наполовину. Глазам открылись ровные рядочки, спинка к спинке, сметков. Они возлежали на луковой подушке и та-

кими же луковыми колечками были осыпаны сверху. Были там и пластинки лаврового листа, и горошинки чёрного перца. Лук разомлел, стал нежным и сладким. Корочка, хрустящая снизу, изнутри пропиталась луковым и рыбьим соками и должна была просто таять во рту. Отец каждому положил на тарелку по квадрату нижней корки с возлежащими на ней сметками и такой же квадрат верхней корки. Длинные сильные пальцы действовали с хирургической точностью – хотя ни ножом, ни вилок он себе не помогал. Оставшуюся часть пирога он прикрыл второй половиной верхней корки – чтобы рыба и нижняя корка на добавку оставались тёплыми. Мама принесла сотейник с насыщенным рыбным бульоном – поливать верхнюю корочку, если покажется суховатой. Спросила: «А кто чем запивать будет?» – «У нас молоко есть? Я – молоком!» – подняла я руку. «Женюша, налей тогда всем, должны же мы чокнуться чем-то! Да не спеши ты, мила дочь, не спеши жевать!» – Я-таки успела откусить от верхней корочки и с набитым ртом уставилась на отца, мол, что это ещё – чокаться?! – по какому поводу?.. Вдруг до меня дошёл смысл этого «внеурочного» пирога и я перевела взгляд на маму: значит, она... Ах, мама!.. Видите ли, нет у них друг от друга секретов... Я с трудом проглотила кусок, он показался мне жёстким... Слезы выступили у меня... «Не пустили тебя в комсомол-то, что ли? – почти весело спросил отец, – засыпали?» – «Никто меня не засыпал. Приняли единогласно», – рассердилась я на всё скопом. На маму, видимо, поведавшую отцу о моих страданиях; на папу Котика с его юмором; на себя – за то, что «не держу удара». «Так и я про то же, доча! Значит, не зря мама пирог-то пекла! Повод-то какой серьезный! Ну, девочки мои дорогие, выпьем за это хорошее событие!» Родители подняли свои стаканы с молоком, я неохотно присоединилась. Зрелище было потешное, смех сам вырвался из меня – уникальный же случай: взрослые чокаются молоком! – представила реакцию моего любимого дяди Лёни: «Молоком?! Ну, это, ребята, ни в какие ворота! Молоком – от бешеной коровки! – самое бы то было!»

«Доченька, даже не знаю, что тебе пожелать, – волнуясь, сказала мама. – Вернее, так многого хочется пожелать... Пожелаю здоровья! Помни, родная, одно: отчий дом, мы с папой, – всегда за твоей спиной». Посмотрела я на отца, а у него глаза подозрительно увлажнились: «Будь, доченька, живи, как твоя мама!.. Лучше вряд ли получится... Но ста-

райся... старайся, чтобы не было за тебя стыдно». Сmaak еды куда-то девался, я деловито принялась за рыбу. «Ну вот, Котя, – огорчённо сказала мама, – началось вроде бы за здоровье...» – «А я, ёлки-палки, значит, всё свел за упокой!» Отставил тарелку и отправился на кухню заваривать себе свой единственный напиток, который признавал – чифирь. Там, на кухне, и пил, обжигаясь, весь насупленный. Стол сломался. Кое-как всё горкой собрали, накрыли полотенцем.

Отец на кухне курил в открытое окно. «Мам, посиди со мной немножко», – попросила я, и мы ушли в мою комнату, там, не включая света, уселись, подобрав ноги, на кровати. «Ты расстроилась, Надюня? – спросила мама. – Из-за чего?» – «Не-ет, что ты! Мам, а ты помнишь... Когда мы ещё в Раскатихе жили... Ты пришла после уроков с маленькой баночкой, ну, не больше стакана, грушевого джема?» – «Как же, помню, привезли в магазин большую такую, как бочонок, консервную банку, и все понемножку покупали, на большее-то ни у кого не было. А что?» – мама накрыла своей тёплой ладонью мой сжатый холодный кулачок. «Джем был такой, помнишь, мам, коричнево-золотистый, с крупинками, ароматный, и такой вкусный – хотелось сразу целиком всё съесть... Но мы с тобой взяли только на два бутербродика к чаю – чтобы на дольше хватило. Баночку закрыли и поставили в посудный шкафчик. На завтрак мы опять сделали по бутербродику. После школы я поела горошницы и сразу взялась за «домашку». Но глаза мои всё падали на эту баночку, и так хотелось чего-нибудь такого необыкновенно вкусенького... Я подумала, возьму только на кончике чайной ложечки, на язычок. И сразу за уроки примусь... Опомнилась, когда в баночке едва половина осталась... Я так удивилась и расстроилась, прямо до слёз... А потом подумала: а что, если немножечко водички добавить и хорошенечко так размешать?.. И очень хорошо размешала, к тому же джем такой густой был, почти как мармелад... За ужином мы опять сделали по бутербродику, а мне ты предложила ещё один – на добавку. Я «скромно» отказалась. Ты подвинула мне баночку: «Ну, ложечку хотя бы так возьми – на сверхосытку». Хорошо, что лампа была далеко от меня. Мне казалось, что моё лицо вполне бы могло заменить фонарь – так оно горело!.. Мам, ну ужели ты не заметила, что творилось с баночкой?! Я ведь на другой день ещё раз этот фокус проделала. Неужели, ты не заметила, что джем становился всё жиже и жиже?!» Мама с весёлым смехом обняла меня: «Конечно же, не заметила! А джем просто

от стояния в тепле мог за день разжигаться... Я другому удивляюсь, как ты не позвала любимую свою подружку, «Малеховую» Галю, не угостила её бутербродиком с грушевым джемом. Да хоть бы и всё до капельки вы съели, доченька!.. Вам в войну и так слишком от многого отказывалось». Мама покрепче обняла меня. Я прямо всем нутром чувствовала, что мама с самого начала обо всём догадалась. Но мне так хотелось верить в то, что она только сейчас от меня самой об этом моём свинстве узнала... Непереносимо было думать, что все эти годы моя мама прекрасно знала, что рядом с ней проживает поросёнок, и этот поросёнок – позорный сладкоежка и жадина (и в самом деле, чего же я любимую подружку-то не угостила!), и от этого поросёнка «все-го-такого-этакого» можно ждать... «А с чего это ты, донька, впала в воспоминания о такой древности?» Тут, легонько шваркнув шлепанцем по двери, вошёл отец. Он в одной руке нёс блюдо, в другой – чайник. Поставил на стол и включил свет... «Прошу прощения – вы секретничали... Но не знаю, как вы, прекрасные дамы, а мне что-то не впрок пошла прерванная трапеза, чувствую себя голодным и не могу уснуть. Рыбный-то пирог, когда остывает, ещё вкуснее. Поддержите несытого главу семейства... А то впору хоть «ешь один и под кроватью». Мы развеселились. Я отодвинула на своем столе книжки-тетрадки, высвободила место для почти ночного ужина, мама принесла стаканы в подстаканниках.

Быстренько подмели остатки пирога, который остывшим и впрямь показался вкуснее. Потом мы с мамой всё прибрали, отец сам выключил свет и тоном, не терпящим возражений, сказал: «Досекретничаете, девочки, завтра! Сегодня мы с вами что-то вне всяких рамок: новые сутки пошли. Спать, спать!» Мама обняла меня и как бы извинилась: «Завтра договорим, донюшка. Светлых тебе снов, роднуня!» Мы чмокнули друг друга куда попало.

Глава 23

«ШИБКО В КОМСОМОЛ ХОТЕЛОСЬ?»

Легко сказать «светлых снов», а откуда им взяться, если я, оказывается, неизвестно кто такое – то ли собачонок, то ли поросёнок... Но всё же я старательно старалась считать сначала (непреренно белых) верблюдов, качающихся из стороны в сторону в бесконечном караване по

бескрайнему песчаному океану, потом – редкие крупные капли летнего дождя, шлепающие по головам капустных кочанов... Делала всё, как учила мама. Потом, как учила бабушка Александра Яковлевна. Лечь на спину ровно. Руки вдоль тела поверх одеяла... Предаться тёплому и тихому течению, и пусть несёт... И слушать только своё замедленное и ровное дыхание: вдо-ох – вы-ыдох... Я слышала его. Моё дыхание. Оно становилось всё реже, тише, уже слух мой еле улавливал его, вот оно превратилось в уютное посапывание... Потом наступила полная тишина... Не знаю, сколько прошло времени. Но проснулась я от жуткого храпа. Комната была в предутреннем свете. Мама вошла вспугнутой птицей. «Ма-ам!.. – в ужасе осиплым голосом сказала я, – тут кто-то храпел!!! Я даже проснулась!..» – и села в кровати. Мама деликатно хихикнула: «Да вот и я испугалась... Что за мужик пробрался и храпит в дочуркиной комнате?... Слава Богу. Это сама дочурка храпит... Теперь у нас в семье три храпуна». – Мама уже заливалась смехом, не смущаясь меня обидеть. «Кто эти три?» – ещё не решив, обижаться мне или не обижаться, спросила я. «Так мы же трое и есть! – всё смеялась, не могла остановиться мама. – Я тебе рассказывала, что моя мамочка, а твоя бабушка была вынуждена отправить меня на временное проживание в Каштак, к прадедушке твоему Якову и прабабушке Прасковье. Кроватка моя возле окна стояла, и летом в жаркую пору створки распахивали. И вот как-то мамочка моя проведать свою малышку приехала. Ранним поездом. Вошла во двор, идёт вдоль дома, из одного открытого окна такой махровый храп несётся – аж дедушкина лошадка, Мальчик, ушами прядает. Подошла мамочка к окошку и видит: разметалась на подушке, покраснелась рыжая девка и храпом, как соловей-разбойник, заливается... Дочурка-Женюрка её! Видать, тебе по наследству от обоих родителей досталось это дивное свойство!» – «Ну, что ты, мамашна, придумываешь! Никогда я не слышала, чтобы ты храпела! И вообще – это собачку, а не лошадку прадедушки Якова звали Мальчик!» – «Да, правильно, но и лошадку тоже звали Мальчик! Были два Мальчика: и коник, и собачка». Ну тут уж я окончательно проснулась и стала хохотать: «Да это не я, а ты – сочинилка, мамашна! Коника-то звали Игренька!» – «Всё ты путаешь, дочка-кочка, и запоминаешь наперекосяк. Игренька был у его брата, Семёна. Игреньку у него уже при советской власти цыгане свели... А Мальчик, сын Игреньки, был у моего родного дедушки Якова, который служил жокеем у брата

Семёна, и тот подарил Мальчика ещё жеребёнком Якову за честную службу... Так что в сочинилки к себе в ряд меня не приписывай!» – «Мам, ну, неужели это я так храпела?!» – не могла успокоиться я: почему-то обидным, даже позорным для девочки показалось такое свойство, болезнь даже. Значит, надо меня срочно лечить. А то выйду замуж и сбежит от меня мой молодой муж в первую же брачную ночь! Считаю сразу после свадьбы!» – «Да успокойся ты, всполошилась, – будто свадьба твоя уже завтра. Видимо, лежала как-то неудобно». Мы с мамой просто падали друг на друга от смеха.

«Вы что нынче творите-то?! – Дверь распахнулась. Разгневанный «бог-отец» стоял на пороге. – Ну, красотки, вы мне нынче всю ночь на нет свели! Что творите-то?» Мама мышкой шмыгнула в открытую дверь. Юркнув под одеяло, я изобразила мёртвое тело. «Тьфу на вас!» – с досадой сказал отец и весьма сильно хлопнул дверью – удар заглушила прибитая для этого на двери полоска войлока.

Но мне уже не спалось; отец же вскоре поднялся, побрился, намарафетился и приготовился завтракать. Я высунула нос за дверь – чем из кухни пахнет. Пахло оладушками, творожными. Я подседа к отцу, потёрлась щекой о его плечо. «Иди умойся», – вполне мирно заметил он. «Да я только одну штучку – и досыпать пойду: у меня же вторая смена, пап!» – я уцепилась с отцовской тарелки самый поджаристый оладух... Папа Котик ошеломил меня вопросом: «А скажи-ка, мила дочь, вопросы о политических и других событиях в мире тебе задавали?!» – «Ну...», – заёрзала я – и вынесло же меня на эти олады. «Что «ну»? И что ты там буровила, мила дочь?» – «Ничего я не буровила! – уязвилась я – Нормально рассказывала. Про Корею. Южную. Что там сейчас очаг напряжённости, и там теперь новый, этот, как его, лидер...» – «И «как его»?» – отец осторожно отхлебнул из заветного бокала свежесваренного кирпичного зелёного чая. Огромную плитку, нет, целую плитку такого он унёс и на работу. Но не каждого привечал в своей мастерской и не каждого угощал своим, фирменным, чифирём. «Ну, что ты, доча? Заспала? Забыла?» – спрашивал отец серьёзно и ничуть не ехидно. Однако, я совсем стушеввалась: «Лидера этого южнокорейского зовут... зовут.. Динь-Динь!» Вот это самое «Динь-Динь» я выпалила громко и твёрдо, чтобы не было у моего собеседника никакой возможности усомниться в истинности мною сказанного. Отец засмеялся мелким смехом, даже

тощий животик его затрясся. «Да разрази меня гром, у государственного лидера, да будь он хоть папуасской принадлежности, ну никак не может быть такого легкомысленного имени». – «Ну, может, Динь Нгуен... нет, наоборот Нгуен Динь Динь... нет, Динь, кажется, Зьем...» У отца покатились из глаз слёзы, а живот затрясся ещё сильнее. Всё же он преодолел свои эмоции и спросил: «Может, ты, доченька, и столицу вспомнишь?» – я видела, отец без всякого подвоха спросил, и я спокойно ответила: «Сайгон!» Брови отца опять уехали вверх. Ну что, что я опять не так сказала?! Тут меня как обожгло: «Па-ап! – жалобно прошептала я, – понимаешь, оно само собой как-то помешалось... Это всё про Вьетнам я говорила, а не про Корею». Отец больше не смеялся, с жалостью посмотрел он на меня и, словно давая шанс, подкинул щепочку в чуть живой костерок моего «интеллекта»: «А какое событие в международной жизни, Надюша, кажется тебе таким, ну, самым-самым?» – отец сделал последний глоток своего чифиря и взялся за портсигар и спички, тем обозначив, что время утреннего общения истекает, и ему давно пора выходить к их рабочему автобусу. Я, обрадованная (ведь что ни скажу, – а обсуждать папочке Котику уже некогда), забарабанила: «Советский Союз начинает строить в Польше, в Варшаве то есть, Дворец науки и культуры – точно такой же, как наш МГУ – 28 этажей, 236 метров высотой, самое высокое здание в Европе! И архитектор – советский, инженеры и рабочие – 30 тысяч человек, советские, и стройматериалы – из Советского Союза!.. – Перевела дыхание и добавила, – это, считается, подарок Иосифа Виссарионовича Сталина Польской Народной Республике... А... архитектора Лев Рудин звать, – вздохнула, – кажется...» Отец только крикнул и переглянулся с мамой. А у меня спросил: «Что, доча, шибко уж в комсомол-то хотелось?» – и закрыл за собой дверь, оставив меня с возмущённо разинутым ртом.

Глава 24

КВАДРИГА РАСПАЛАСЬ

От похода в райком комсомола запомнила запах влажной от дождя верхней одежды; толчею в неярко освещённом коридоре перед дверью, где заседало бюро; лихорадочные полушёпотом друг другу вопросы моих младших товарищей в красных галстуках; моё тоскливое предчувствие: ну вот, сейчас начнётся – почему так долго «сидела в

девках» и чего ради теперь опомнилась, комсомол тебе теперь понадобился... Я незаметно стала пробиваться в обратный путь. Так надо же! – вышагнул за порог бюро наш завуч, ответственный за работу комсомола в школе. Конечно, как могла остаться незамеченной сорока среди воробышков! Громко прозвучало: «Двадцать восьмая школа, приготовиться!» – завуч назвал моё имя и фамилию и, глядя на меня, приподнял указательным пальцем кончик своего носа. На деревянных ногах переступила порог. «Ба-атюшки, сколько их, желающих узнать, что я такое?.. А вдруг я пирог ни с чем?.. А я не то что ни с чем, – я, наверное, пирог не с тем, с чем надо...»

Задали простейший вопрос – про поручения, – меня тут же заклинило, в голове замелькали зловредные картинки: преобразование в потерявшуюся собачку во время дежурства на избирательном участке; «вахта под кафедрой» в помощь утопающему товарищу во время контрольного опроса по анатомии... Мои дурацкие шаржики – ведь в конце концов я-таки схлопотала лёгкую затрещину от Юры Чурикова-Васильева (в самом близком будущем – пилота, командира воздушного судна нашего Курганского аэропорта; однажды мне довелось лететь с ним из Кургана в Москву; думаю, Юрий вспомнил тот казус, и хотя мы встретились с ним глазами, – не подошёл ко мне. Да и с чего ради – вон нас сколько кофейничало в салоне!). По делу вспоминалась одна несуразность: вырезание картинок с малышами; несчастные крольчата в куче вырытой земли под лестницей в нашей кухне; экспериментальная делянка озимой ржи, которую пестовали мы с Люсей Алексеевой минувшим летом и наш урожайный сноп, отправленный на ВДНХ; рассказы о прочитанных книжках на «библиоминутках» для октябрят – так и это не моя, а библиотекаря выдумка... Замирала от ужаса, только бы **Он** не повторил своих диких слов, вот, мол, каких кристалльно-чистых ребят готовит в комсомол наша школа. Меня после **Его** словесного изыска один семиклашка, встречая в гардеробе, стал приветствовать не иначе как: «Здорово, хрустальная!» А отравив мне настроение и получив подзатыльник, с довольным хохотом летел в свой класс.

Пришлось «полномочному представителю» нашей школы спасти положение, и **Он** авторитетно заявил членам бюро, ответив за меня, что такая-то не один год занимается с октябрятами и младшими пионерами. Комиссия оживилась, кто-то из членов уверенно предположил: «Наверное, учителем стать

мечтаете?!» Женский голос умилённо присовокупил: «Вы, очевидно, из учительской династии?» Ещё один голос провозгласил: «Я работаю в приёмной комиссии педагогического института. На какой факультет изволите пожаловать?»

Заполучив в руки комсомольский билет, я испытала не столько радость, сколько облегчение: наконец-то моим тревоблениям пришёл конец, и меня оставят в покое! «Ну, отстрадалась, мила дочь?» – сочувственно спросил отец, едва я переступила вечером домашний порог. Мама тоже смотрела на меня с интересом. Видно, только что обсуждали эту тему. Тут же полезла из меня крапива: «Я и не страдала! С чего вы взяли?!»

...Итак, квадрига распалась. Люся Алексеева и Аля Лютвина уехали в Томск, и там легко поступили в политехнический институт на химический факультет: Люся – на отделение лекарственных веществ, Аля – на парфюмерное (за давностью лет, может быть, неточно называю, но суть остаётся). Мы с Люсей Екимовой подали документы в наш педагогический: она – на физмат, я – на истфил. И обе – не поступили, не добрав по баллу. Не было у нас парашютов в виде медалей. И абитуриенты комсомольцами были все поголовно. К тому же поступали ещё и ребята предвоенных лет рождения, наплыв получился невероятный... Набор маленький, вроде как пробный. Конкурс подскочил в разы. А наших подруг в Томске конкурс и проходной балл интересовали, как прошлогодний снег: медалистки.

...В приёмной комиссии, когда я забирала документы, мне предложили записаться вольнослушателем – с правом посещения занятий и сдачей зачётов и экзаменов и занять место того, кого летом отчислят как не справившегося с учебным планом. Ещё был вариант – с теми же вступительными баллами попробовать в Шадринский педагогический. Нашу одноклассницу Алю Баранову туда взяли слёту.

Екимочка почему-то была расстроена за меня больше, чем я за себя, и убеждала, что проучиться год вольнослушателем – умный выбор, главное – год не потеряешь. «И что, Люсь, я потеряю, а кто-то его подберёт и проживёт мой год за меня?..»

На следующий день я отправилась в отдел кадров завода, где уже работали моя мама, папин брат Леонид, его молоденькая жена Зина и моя тётушка (папина сестра) Анна. Открыли на заводе новый огромный цех, сборочный, туда на конвейер, сказали, нужно было взять 500 работниц. Их и набрали – 500 вчерашних выпускниц средних школ, в ос-

новном, также не прошедших конкурс при поступлении в вуз. Но как-то рассосались эти пятьсот по всему заводу, хотя большинство попали в наш пятый цех.

...Среди девочек, которых направили на наш конвейер, я встретила, к своей несказанной радости, одноклассницу из Раскатихинской школы, Нину Менщикovu, дочку лесничего. Помню, однажды, в пору большого снегопада мы, пятиклашки, носились с нею по сугробам, играя в охотничьих собак и упоённо «лая»: я была Борзя, потому что очень крутая, она – Кудря, потому что волосы у неё были волнистые. То-то было славно, то-то хорошо! Конечно, с весёлым смехом мы кинулись друг к другу. Но начинался трудовой день: мастер Маша Дорошенко уже грозила пальчиком. Договорились, что после смены пойдём домой вместе и до начала занятий на подготовительных курсах, на которые, оказалось, записались многие из девочек с конвейера, успеем досыта наговориться. Нина согласилась зайти к нам поужинать... Но разговор и общий ужин нам пришлось отложить. Зашла за мной мама и сказала, что хотела бы, чтобы я сопровождала её «в больничку». Что-то дрогнуло во мне, но я почему-то ни о чём не спросила...

Глава 25 МОЛОЧНАЯ (Считай, отступление)

Держась за руки, мы почти бежали по пешеходному железнодорожному мосту, чтобы попасть из ново-северной части города в центр. Начинался апрель, но мы были уже с непокрытыми головами. Косы у обеих уложены корзиночками, только у мамы на висках серебрились сединки – на солнышке они казались драгоценными. «Мам, ну мы просто летим!.. Опаздываем, что ли?» – спросила я. Ответа не получила и домогаться не стала. Мы сыпались по лестнице, и сверху видно было, как подруливал к остановке автобус; я подумала – мы к нему. «Нет-нет», – мама потянула меня в сторону; мы свернули в первую же улочку, налево, такую всю ровную, нарядную, из розовых четырехэтажных домов-близнецов. Дома эти со временем будут называть «сталинками». На фоне появившихся позднее «хрущёвок» они станут выглядеть, как богатые родственники, породистостью, этаким вальяжностью, что ли. Улица называлась Станционная, и мы уже стояли перед входом – в поликли-

нику. Железнодорожную. Я удивилась: ведь наша-то семья никакого отношения к «железке» не имела!.. «Лёля твоя договорила о консультации для меня – в нашей заводской такого специалиста нет», – пояснила мама – будто по тонкому льду шла, и я почувствовала, что она волнуется. «Мам, у нас сегодня с тобой прямо какой-то консультационный день получился: у меня – «историческая» (мы с Екимочкой поступили на подготовительные курсы), у тебя в поликлинике – «эскулапская» консультация». Мама вежливо улыбнулась. Впервые в жизни не обратила внимание на нечто имеющее быть в моих планах. Из кабинета врача вышла медсестра, взяла у мамы карточку. Мы присели рядышком на диванчик, я приулилась к маминому плечу и почувствовала, как она дрожит. А ведь в поликлинике не было холодно. Эта дрожь передалась мне. Тут маму пригласили к доктору.

Где-то в середине коридора я углядела плакат и подошла к нему: «Санбюллетень». «Женщинам – об онкологических заболеваниях». Всё взорвалось во мне: «Нет! Не может быть!!! Этому просто нельзя быть!!!» В конце коридора было окно. Я ушла к нему. Окно выходило в сад. На молодых диких яблонях прибухали, готовясь проклюнуться, первые листочки. Казалось, яблони были окутаны зеленовато-коричневой дымкой. Всё это сверкало и виделось мне словно как в разбитом зеркале, потекли слёзы, и, как всегда, не нашла в кармане носового платка. Утёрлась школьным фартуком, вытянув край его подола из-под плаща...

Смотрела в сад, а перед глазами возникла маленькая комната, озарённая каким-то жёлтым светом; черноволосая женщина в высоких подушках. Худая – ну, я таких худых никогда не видывала, только в книге на плакате Помгол («Помоги голодающим!») и на фото из блокадного Ленинграда. Щёки запали, глаза в бурых впадинах, ключицы выпирают... Эта женщина из маминого цеха. Товарки навещают её по очереди. Мама – в первый раз. Взяла меня с собой, сказала просто: «Надо, Надюша. Новые лица: может, это её отвлечет». Женщина нам обрадовалась. Спрашивала маму про новое изделие («Вот оно ей сдалось!» – подумала я) и много ли идёт браку («Ну, тебе-то, бедная, уж не всё ли равно!» – изумлялась я). Порадовавшись тому, что мама молодая и что такая большая уже у неё дочка, женщина устремила взор на меня: «Расскажи что-нибудь веселенькое, милая! А то являются все такие унылые и боятся меня рассмешить, буд-

то я, как только начну хохотать, – тут же развалюсь на куски!» Память немедленно явила мне сокровище из тётушкиного «сундучка рассказней». «Вот жил один немеряно богатый мужик. И была у него единственная дочка, – с пол-оборота завелась я. – Да такая раскрасавица – ни в сказке сказать, ни пером описать! А звали её Натаха-неудаха. Всем невестам невеста, один маленький изъян – тупая, как сибирский валенок!..» – Женщина уже смотрела на меня широко раскрытыми, повеселевшими глазами, и стало видно, что она совсем не старая. Меня несло: «Велик ли, кажется, изъян, тем боле при таком-то приданом! К тому же девка-то – краса, добрая, улыбочивая – ан нет. Не глянется женихам, что тупая. Разборчивы всё попадались, ядрёна Феня! А тут как-то нового прибило, из заморских краёв. Смешно правду сказать и грешно утаить (отец перед сватовством-то тогда дочку даже за кочи потаскал маленько): «Да чо ты молчишь-то, как истукан! Молви хоть словцо какое остренькое, пошути, чо ли!» – «Поняла! Не дура!» – успокоила Натаха батюшку. И всё было честь по чести во время того сватовства. Что молчит невеста, жених объяснил себе её благонравием. А только как дошло дело до рукобития, Натаха вдруг как вскочит за столом-то, полным гостей, глаза фонарями горят, щёки – как райские яблоки, да как гаркнет дурным голосом: «Колун!!!»

Женщина просто залилась смехом, даже слезинки полотенцем смахнула. Потом сквозь смех стала расспрашивать: «А кочи – это что? Часть тела? Какая?!» Я пояснила: «Кочи – это часть головы. Волосья. Когда они красиво причёсаны, например, когда невеста жениха ждёт, это коса. А вот Натаха вся расстроенная была, у неё космы стали – кочи то есть». Тут у женщины возник новый вопрос: «Так стало быть, голова не часть тела?» – «Ну, как же можно голову, понимаете вы, голлову!!! – считать телом?!» – тут обе мои собеседницы стали дружно и в голос смеяться. Я приняла вид, что вроде обиделась.

Потом хозяйка грустно сказала: «А мне почему-то жалко эту Натаху-неудаху». – «Ой, да я же не досказала! – вы же меня перебили, – как бы спохватилась я. – Жених-то тут тоже как подскочит, как заорёт таким же дурным голосом: «Вот таку-то я и искал! Вот така-то мне и надобна!» И была свадьба богата, весела и шумна. И ребят Натаха народила толстых и здоровых целу деревню! И жили все долго и щасливо!» Мама тоже не могла сдержать смеха, но в глазах её мне почудилась как бы осуждение. «Присылайте ко мне вашу

дочку почаще, – неровен час и подымусь курам на смех...» – пошутила хозяйка на прощанье. По дороге домой спросила маму: «Тебе чо-то не понравилось? Ты как-то не так на меня посмотрела...» – «Могла бы без вульгарного украшательства обойтись». – «Зато как она хохотала!» И, наверное, обе мы подумали: «В последний, небось, раз».

Через несколько дней эта женщина умерла. У неё был рак крови, который сначала похож, сказали, на какую-то туляремию, начинается с шишек под мышками. (Эти шишки она нам показала, подняв высоко худые руки, – рубашка на тонких ляпочках не смогла их скрыть). А боли не испытывает человек при этом никакой. Ну, хотя бы эта утешительная малость была – нет боли.

И вот, стоя перед окном в сад и вспоминая наше с мамой посещение её бывшей сослуживицы, я обмирала от ужаса, и уже подол моего фартука был мокрым от слёз и соплей: «Этого не может быть! Этому нельзя быть! Господи, помилуй!! Господи, защити!!!» – ворвалась в замиравшую от смертного страха душу прилетевшая из далёкого детства молитва.

Где-то за моей спиной, издалека, меня окликнул мамин голос. Я не сразу узнала его. Выбирая на фартуке сухие места, утёрла физиономию и повернулась. Мама манила меня пальчиком. Я приближалась, не в силах поднять опухшие глаза. «Ревела, что ли?» – шёпотом спросила она, обняла за плечи, и так, обнявшись, вышли мы в сад.

Никогда не забуду выражения её лица... Смущённого и радостного, испуганного и вопрошающего... В общем – робко счастливого. Не забуду огромных синих глаз её, дивным светом своим осветивших, казалось, этот сад, этот вечер, этот мир... И она была такая молодая! Честное слово, моложе меня... И вот, набрав в лёгкие воздуха, она решилась: «Надюша!.. У тебя будет братик... или сестрёнка...» Я тоже, как бы захлебнулась: «Ма-ам! сколько себя помню, все жду этих слов... А папа, когда уезжал в командировку на свою «точку» в Казахстан, уже знал об этом?» – «Нет, я и сама-то не была уверена...» – «Ма-ам, а зачем сюда-то мы приходили?» – «Сюда-а? – и словно прикрутила свой фитиль волшебная лампа, льющая свет из маминых глаз... – Не хочется о грустном – что было, то прошло, зачем вспоминать... – но взглянула внимательнее в моё, не расправившееся от бурных слёз лицо, и всё же пояснила, – моя участковая, молоденькая «княгиня гинекологиня», направила меня на консультацию, уверенная, что подтвердится её предположение

о злокачественной опухоли... «Не может быть беременно-сти через столько лет... не беременела, не беременела – и вдруг на тебе!» А здесь мне сказали, что с точки зрения онкологии в отношении моей беременности вопросов – однозначно! – нет, и чтобы я спокойно вынашивала младенца». – «Убить эту гинекологиню мало!» – свирепо вскричала я. «Не надо. Пусть опыта набирается! – Мама прижала мою голову к своему плечу и с глубоко запрятанной тревогой продолжила, – мне тридцать семь лет, Надюша... А девятнадцать «праздных» для чрева лет – это не так просто... Вдруг со мной во время родов что-то случится... Ты не бросишь моего детёныша?..» – «Что такое ты говоришь, мама?! – отшатнулась я. – Всё будет хорошо! Просто замечательно! И – это же наш детёныш!» – «И всё же... ты поклянись, Надя! Поклянись! – и я просто буду покойна!» – «Клянусь, мамочка!», – сказала я, а слёзы снова готовы были литься из глаз. – Ма-ам, ну чего мы стоим трясемься обе, холодно уже стало. Побежали домой бегом?» – «Побежали, донька, – мама словно воспрянула, я взяла её под руку, и мы двинулись в обратный путь... «Ма-ам, а ничего не заметно... ну, совсем! И ты та-ак бе-егаешь! Не вредно?» – «Полезно», – ответила мама. Я что-то почувствовала в её голосе, посмотрела, а она резко побледнела и уже не казалась такой молодой, взялась за ветку яблони, как будто искала поддержки. «Ма-ам, новый маршрут открылся – прямо от вокзала и почти до нашего дома, по Коли Мяготина – через виадук, на Некрасова, и – наша Проектная!.. Пойдём, а?» – Молча, она оперлась на мою руку. Когда мы дошли до вокзального гастронома и маме было уже получше, я спросила: «У нас есть какие-нибудь копейки?» – «А что?» – «Хочу заскочить сюда!» Мама не стала расспрашивать – протянула рыжую бумажку – только там всегда очереди». – «А ты иди, мамусь, потихонечку к остановке – через сквер, там, на скамеечке подожди, я мигом». С бутылкой молока, двумя маковыми кренделями я догнала маму на середине сквера, почти у самой скамейки. «Во! Сейчас перекусим – и двинем дальше!» – подлетела я. «Больше литровой бутылки уже не нашлось, донька? Так на улице и будем питаться, как бездомашки?..» – мама заметно приободрилась. «Нет, как путешественники! – посмотри, и на других лавочках жуют!» Мы тоже присоединились к жующему народу, ели хрустящие, ещё тёплые крендели, запивали моим любимым топлёным молоком,

передавая бутылку из рук в руки. И то, что мы такие же, как все, было почему-то приятно.

«Мам, а знаешь что я вспомнила... Утро, раннее-прераннее, за окнами чуть развиднелось, а в комнате сумрачно, я сижу в своей плетёной кровати, ноги калачиком. Смотрю, вы с папой спите. Я взялась за бортики, стала раскачивать себя и петь тихонько: «Мо-ко-ля-мо-кол-ля-мо-ко-ля...» Папа повернул голову, молча встал, пошёл подогреть молоко. Принёс бутылочку. Я напилась, молча бухнулась обратно и тут же уснула! Я так ярко это вижу». – «Донька! Не можешь ты этого помнить: «ты щэ така малэнька була», – спародировала мою манеру иногда украшать свою болтовню привезёнными из Остра словечками. «А вот и помню, – не шутя обиделась я. – А ещё помню, мамишна, как ты уговаривала меня: «Доченька, сегодня у нас кашу-улечка на воду-лечке!.. Ну её, эту противную кашу на молочище! – Надоела!» – «Ну это ты когда уже кой-что «формулировать» могла и действительно запомнить. Ты даже просто декларировала: «Не котю на водулечке! Котю на молочиче!» Мы стали обе хохотать, и у меня выплеснулось из бутылки немного молока – на нас обеих. «Что, в ручонках-то совсем силы нет, бутылку удержать не можешь!» Мы стали помогать друг другу привести себя в порядок.

Вдруг почти над нами прозвучал словно бы заржавленный голос: «Бессовестная девчонка! – её без очереди пропустили, у неё, видите ли, маленькая сестрёнка с чемоданами в сквере осталась!.. А я вот специально, отоварилась, и думаю, пойду – погляжу!.. И где чемоданы, и где твоя маленькая сестрёнка?!» Мгновенная реакция мамы меня ошеломила: «Какое же вам спасибо, милая женщина, что вы дочку мою пропустили. Неместные мы, целый день по вашему красивому городу ходили, любовались его красотой, маковой росинки в рот не взяли. С ног уже валились. Да и вы, видать, не лучше себя чувствуете... Присаживайтесь рядом, отдохните, милая женщина». Женщина, которую милой явно никто давно не называл, с охотою уселась рядом: «А из каких же вы мест-то будете?» – подобрела она. Мы переглянулись с мамой и, слава Богу, увидели наш автобус – он разворачивался к остановке. Мы сердечно распрощались с «милой» женщиной. «Вот видишь, донька, как одна крохотная невинная ложь тянет за собой другую лжишку покрупнее, и втягивает ещё одного лжеца... и может набраться целый круг...» – «Да ну уж, мам, из-за бутылки-то молока развела философию... Я бы прямо

ей отрезала, нечего из-за капли молока бурю в стакане воды устраивать... Ой, мамочка, смотри! – Вдоль цепочки пассажиров, загружавшихся в автобус, мельтешил цыганёнок, что-то бубнил, заглядывая весело-понуждаяще в лица людей, от него отмахивались – нашёл время. – «Мам! Помнишь Яшу? Ну копия!.. У меня гривенник остался, отдам ему?» – «Ты так быстро умчалась с этим рублём, что я не успела тебя предупредить – он у нас единственный. Ну, отдай, тогда обратно придётся пешком той же дорогой, через пешеходный мост чапать».– «Мам, ты что!.. Да если бы я раньше знала, ни за что бы не пустила тебя и в первый раз по нему карабкаться, да ещё мы скакали по ступеням, как козы. Папа Котик, если бы ведал, прибил бы меня, наверно!» Тут и мы приблизились к автобусным дверям – с нашими недоеденными бубликами и недопитой бутылкой молока. Из-под чьего-то локтя вынырнул цыганёнок: «Тётеньки! Вы это ваше не будите уже допивать-докушивать? Оно же вам мешает!» – мгновенно наши руки были освобождены. Нас уже подталкивали в автобус смеющиеся пассажиры. «Птичка божия прямо с ладони крошки сняла!» – весело сказала мама. Из окна мы увидели, как бежали к мальчику двое меньших цыганят... В автобусе мама вдруг расстроено прикоснулась к моему плечу: «Надя! Как же так, что со мной! Ты же мне про консультацию по истории говорила!». «Мамусь, ну да, что она – последняя! В принципе, она мне и не нужна. Нас Евгений Александрович не жалеючи гонял».

Глава 26 НА ЗАВАЛИНКЕ

Многим из нас едва минуло семнадцать лет, и, как несовершеннолетние, мы работали неполный рабочий день, по шесть часов. За два часа до окончания рабочей смены имели право встать и выйти из-за конвейера... «Ох, уж эти малолетки! Намучаемся мы с ними!» – сдержанно сетовали мастера. Но ведь мы были «ещё то» поколение, воспламеняющееся от слов «Даёшь!» и «Надо!» Подвигнуть нас на «задержаться после смены» или субботник было легко. Тут ещё начала восходить над страной «Планета Целина»... Состояние ожидания каких-то добрых сдвигов и непременно с твоим личным участием томило многих.

Последние школьные месяцы включили в себя столько много всякого-разного, что смена статуса ученицы средней

школы, не вкусив статуса студентки, на статус ученицы-сборщицы заводского конвейера, меня не удручала. Солнечными зайчиками в памяти мелькали картины недавних событий: платные уроки танцев для выпускных классов; встреча с некими вьюношами – студентами (Вячеславом Чумаковым и Николаем Зайцевым), приглашавшими в свой литературный кружок; поездка на смотр самодеятельности в Челябину...

Вдоль западной стены цеха лежали длинные тесовые доски, и в обеденный перерыв, если позволяла погода, работницы сборочного конвейера пятого цеха, как ласточки, примаскивались на этих досках со своими «тормозками». Примостились и мы с Ниной. Содержимое «тормозков» не ошеломляло разнообразием: у кого – ломоть чёрного хлеба, пара варёных картофелин, помидор; у кого – не помидор, а солёный огурчик; у кого не чёрный хлеб, а белая сайка, разрезанная сбоку и подкреплённая маргарином и ломтиком чайной колбасы; у меня, сладкоежки, – чекушка топленого молока с коржиком. У Нины – бутерброд с маргарином, посыпанный сахаром и бутылочка квасу... В общем, всё у всех на виду. Заводская столовая от нашего пятого далеко, да и денежек на неё мы пока не заработали. Так что «обед на завалинке» всех устраивал. Пристало к этому месту обеденных посиделок такое слово – «завалинка».

Рядом, ну в двух метрах от сидящих, заводская дорога, она соединяла цеха друг с другом и хозяйственным двором. Негустое автомобильное движение и редкий гужевого транспорт. Между колеями и по обочинам отважно росли невысокая медицинская ромашка и низенький клевер.

Здесь обменивались всяко-разными новостями, близкими и дальними планами на «жисть», а то и песенкой из нового фильма украшали свой краткий досуг. Здесь сложилась и моя заводская «квадрига». Заглавной фигурой в ней мы, не споря, признали Валю Колодееву, выпускницу Кособродской школы, известную в этом городе биатлонистку-юниорку. Мы с Ниной Менщиковой и Валюшкой Городских были в нашей «квадриге» вроде как «пристяжные». Валюшку, иначе как Валюшкой и назвать было невозможно. Миниатюрная; головка – ну, не дать – не взять ангелочек – в золотых кудерьках. Глазки – синие, никогда не унылые, но всегда радостно чего-то ждущие и смешливые. Наблюдательная Валюшка была и на язычок вострой.

Вдоль конвейера на разных операциях (штамповка, кернение) стояли несколько прессов. Нина и Валюшка были

станочницами. Мастеру нашему, Машеньке Дорошенко, что была на год-два постарше нас, кругленькая, улыбчивая, начальник цеха наказывал не раз – держать нас в ежовых рукавицах. Но мы и так бесконфликтно подчинялись её распоряжениям. Авторитет Маши в наших глазах подкреплял ещё «горяченький» её красный диплом об окончании машиностроительного техникума. Валю Колодееву и меня Маша посадила на самую «тяжёлую» операцию. К сожалению, уже не смогу точно назвать деталей, которые подплывали к нам по конвейеру. Мы сидели друг напротив друга, разделённые ползущей серой лентой, в белых «хабэшных» перчатках, с решительными лицами, и руки наши напоминали каких-то цепких зверушек, готовых хватать, сжимать, насаживать, закручивать... Перчатки не столь для чистоты и уж, понятно, не для красоты, сколь для защиты ладоней и пальцев. Наша операция заключалась в том, чтобы надеть пружину на стержень головки «шприца», захомутать пружину П-образной деталью с лапками и, силой удерживая пружину, мгновенно соединить узел с головкой «шприца» и закрутить. Далее другие сборщицы присовокупляли к нему прочие детали. На выходе получалось некое изделие, похожее на шприц. Из чёрного металла, большой и тяжёлый.

Крепкого сложения суровая женщина-контролёр, проверяла способность пружины сжиматься и возвращаться в исходное положение. Рядом с контролёром стояла ванна – кубообразная ёмкость на электрической плите, вмурованной в высокий кирпичный фундамент. В ванне была тёплая, жёлто-бурая жидкость, пахнущая машинным маслом. Туда окунали проверенный контролёром «шприц» – консервировали для долгого хранения: будучи холодным, он сразу покрывался жирной толстой плёнкой, и никакая ржавчина уже не угрожала нашему изделию. «Шприц» тут же заворачивали в бумагу, клали в ящик – их к концу смены набиралось довольно много. Увы, должно было выходить гораздо больше! «Увы!» – косяком валил брак. Мало того, что много возвращала на переделку контролёр, в конце цеха стояли два контейнера с возвращёнными заказчиком «шприцами». Заказчик поступал просто – брал из партии наугад любое изделие, пробовал пустить в дело, а не получалось – возвращалась производителю с позорной рекламацией вся партия. Из-за одного – вся целиком! Это был очень сильный отрицательный стимул, чтобы делать своё дело безукоризненно.

Собрание устроили прямо у конвейера. Представители отделов главного технолога, конструктора, НОТ (научной организации труда), мастера, наладчики, начальник цеха... искали «узкие места» – что стопорило сборку, кто «гнал брак»...

Выявилась и некачественная закалка металла пружины: после двух-трёх попыток выдавить содержимое из «шприца», пружина сжималась и уже не могла распрямиться. «Узким местом» на сей момент были закалка и как раз наша операция.

Уже через полтора часа работы белой оставалась только тыльная сторона перчаток, рабочая её поверхность издиралась в клочья: детали изобиловали заусенцами. Чтобы сжать и закрепить «хомутиком» пружину, требовалось приложить немалые усилия. Набитые водяные мозоли прорывались, перчатки намокали... Взглянув иногда друг на друга и поймав гримасу боли, мы понимающе улыбались... Нас обеих «заедало», что мы никак не можем выполнить норму.

Глава 27

ЛАМА ГУСАК

Когда Маша убедилась, что все девочки «при деле», выяснилось, что деталь «плашка», также изобилующую заусенцами, надо отвезти на галтовку – это в каком-то другом здании. Несколько ящиков. Везти надо на лошади. Возчик есть, но ему нужен помощник – для загрузки плашек в барабан, а по окончании галтовки выгрузить и доставить отшлифованные детали обратно в цех. Прокатиться на лошадке по воздуху показалось мне заманчивым. Маша обвела подчинённых девиц своими серо-синими глазками и прочла на моей физиономии «готовность к подвигу». Возчик был худощавая высокая особа, явно старше меня, явно курящая. Без лишних слов мы ящик за ящиком скоренько перетаскали в телегу.

Немного отъехали, и Возчик достала кiset, вытянула листочек бумаги из тонкой пачки таких же. «Вы курите, – сказала я, – а мне доверьте «управление кобылой!» «Ай, могошь?!» – удивилась Возчик. «Дело знакомое!» – ответствовала я. Хотя с «делом» этим пришлось встретиться лишь дважды. Надо было вернуть на колхозный конный двор подводу, которой доставили нам с лугов заготовленное летом сено. Причём рядом со мной была мама.

Слава Богу, лошадь не взбрыкивала, и не успела Возчик досмолить «козью ножку», как мы достигли нужного нам

«здания» – обычной деревянной амбарообразной избы, бани тож. Был в ней широченный полок и широкая лавка. Не знаю, продолжало ли служить «здание» по-прежнему баней, но галтовочный барабан и ящик с опилками там «наличествовали», и мы загрузили первый ящик.

«Ну что, имеем мы право подкрепить себя?» – спросила я. «Чем это? У тебя никак пивко?.. Даже что покрепче?! Дева, да я недооценила тебя!» – Не скрывая хищной заинтересованности, Возчик глядела, как я извлекаю из спрятанной под плащиком, висящей на боку холщовой сумки замотанную в бумагу чекушку. Глубокое разочарование, презрение, брезгливость, ярость даже перекосили худое, как бы задубелое лицо Возчика, когда оказалось, что в чекушке молоко. «Да ты чо, дева, издеваешься?! За младенца меня держишь?!» – «Ничего, – деловито успокоила я Возчика. – Вот месячишко так-то погалтуем, и я изделаю из вас то, что Ламме Гудзак сотворил с неким монахом...» Я взяла из рук Возчика стопочку, которая, как видно, всегда была при ней и немедленно извлекалась в нужном месте в нужный момент. Наполнив стопарик топленым с пенкой молоком, поставила на полку; протянула Возчику половинку коржика: «Еду, предложенную от сердца, отвергать грешно, – говаривала моя бабушка, питайтесь уже чем Бог послал». Возчик нерешительно поднесла стаканчик молока к носу, понюхала: «Ёлки! Вкусно пахнет, – и втянула губами в рот палевую пенку. Стала отщипывать понемножку, почти смакуя, жевать сладкий коржик. Не отказалась от нескольких капель молочной добавки. Закончив, сожалеюще пробормотала: «Ну чо это! – слону дробина!» При этом черты лица Возчика смягчались, округлели. «Как никак, но кишка кишке перестала бить по башке, – заметила я. – А то колесите в своей телеге по заводу, и рык вашей утробы заглушает тележный скрип». Возчик вытаращила на меня глаза – они оказались зелёными с карими крапинками. Неожиданно согнутой в локте рукой, этим жёстким крюком, она подцепила меня за шею, пригнула к себе под мышку и стала нюхать мои волосы, прямо как собака, сопя и слегка постанывая. Я локтём саданула Возчику под дых: «Вы шо-о!!!» – мой осаживающий крик и стон Возчика слились воедино. Я вскочила: «Сумасошлатая» вы, что ли?!» Возчик сквозь стиснутые зубы произнесла: «Я смотрю, тебя не замай – очень уж ты резкая, дева!.. Просто от твоих волос свежим сеном пахнет!..» – «Мало ли от кого каким сеном пахнет! –

так каждому, как цыпленку, шею сворачивать! А меня мой дядька-танкист, научил, что если момент смутный какой, не жди развития, а врежай первой... Вот так как-то, простите...» – «А чево ты мне молотила про Ламу Гусак какую-то?»

Я завязла в длинном пересказе. «Ты, дева, типун себе на языке не набила?» – посочувствовала мне Возчик, когда я кое-как свела концы с концами в длинной истории Тиля Уленшпигеля и Неле. Тут отгалтовали мы последний ящик и с чистенькими, как бы отливающими ртутью, плашками и отправились в обратный путь.

...Когда подъехали к своему цеху, увидели свеженький саморисованный плакат – про комсомольский субботник – «Навстречу Всемирному фестивалю молодёжи и студентов в Москве».

Будет разбиваться «Фестивальный сквер» возле облдрамтеатра. «Во здорово! Вы пойдёте?!» – спросила я Возчика. «Ты чо, дева! Я же не комсомолка! – последовал ответ. – Мне это сдалось?!» – «И шо-о! А не надоело в Тьмутаракани жить?!» – «Как это? В каком тараканы?» – обиделась Возчик. Тут открылись ворота. Выкатилась тракторная тележка с металлостружкой, мы пропустили её и стали вносить долгожданную плашку.

Глава 28

ТАКИЕ ВОТ «ЧЕВОЙТОНАБИВАТЕЛИ!»

– Ну и как, мила дочь, тебе «заводские будни»? – спросил отец, когда, возвратившись каждый со своей работы, мы усаживались ужинать. – Чего подделываешь?

– Подделываю «чевойтанабиватели».

– Это ещё что за зверь такой?

– Целый конвейер их «подделывает», эти «чевойтанабиватели», и наделаться никак не может: всё брак да брак!..

– Руки, что ль, у вас закорюки? Или плохо стараетесь?

– Стараемся! – показала я с лопнувшими пузырями ладони, смазанные зелёной.

– Да-а, – покачал отец головой.

– Цех – новый, станки только-только установили, никак не приладутся, сбоят, детали с заусенцами идут, – присоединилась к нашему разговору мама, разливши по тарелкам разогретые двухдневные щи. Она работала контролёром в смежном, 4-м цехе, и производственные проблемы друг друга соседи хорошо знали.

...Вдоль восточной стены в нашем цеху располагался сборочный конвейер; напротив, вдоль западной – механический уча-

сток; у северной стены – заготовительный; большую антресоль с южной стороны – по сути, второй этаж – оборудовали под ИТРовские службы, тут же – кабинет начальника цеха.

Утро с задоринкой: солнечное, но ледяной ветерок, вроде играючи, прокатывается меж лопаток. Сразу покрываюсь гусиной кожей... От проходных к цеху уже просто бегу вприпрыжку. Предвкушаю, как войду, и сразу обволокут меня потоки тёплого воздуха, сдобренного запахами машинного масла, эмульсии, металлической стружки... Но нет, в цехе непривычно студено, и станки как бы замерли в холодном, осуждающем ожидании. Сверху, по крутой лестнице, из своего кабинета сбегал начальник цеха, – Иван Григорьевич Амелин, (хотелось бы надеяться, что память не подводит). Устремился вглубь механического – к группе наладчиков. Мимоходом кивнул на моё «Здрасьте!». Ну, а я к себе – на сборку.

В голове конвейера сбились кучкой наша Мария Дорошенко, мастер ночной смены Бормонтов, распред, нормировщица и контролёры обеих смен. В неурочной тишине непривычно отчётливо звучат человеческие голоса:

– Слесаря и наладчики всю ночь возились с оборудованием...

– Некоторые станки переустанавливать пришлось. Бесполезно же налаживать – когда станок, простите, тилипается туда-сюда... Да хоть бы такой оказался один!

– Сейчас опробуем... Но хорошо, если к обеду новые детали до сборки доберутся...

– Однако, будем стараться, чтобы простой не был долгим...

Начинают врубаться на механическом участке один за другим станки: токарный, сверлильный, нарезной... Шум нарастает, сгущается, делается ритмичным и мажорным. Стоял один конвейер.

Многих девочек поставили на «разбраковку» – разобрать забракованные контролёрами или возвращённые заказчиком шприцы, к которым пристало придуманное нами название «чевойтанабиватели». Набиваться они должны будут тавотом (уникальной советской пластической массой, безотказной в условиях сырости, холода и жары, сотворенной на основе солидола и минеральных смол). Тавотом «угощали» трущиеся части механизмов, причём шприц помогал выдавить остатки старой каменеющей смазки и грязь... Тавот «нравился» и танкам, и тракторам. И смазка сия имела стратегическое значение. Именно на это на стратегическое

значение наших не «чевойто», а тавотонабивателей упирал начальник цеха в беседе с молоденькими сборщицами. Мы посмотрели с Валею Колодеевой друг другу в глаза, однозначно восприняв, как укор, именно нам, виновницам «узкого места». В тот день мы с Валею трудились просто с остервенелым упорством. Так и стояла перед глазами обездвиженная по нашей вине танковая колонна...

И вот конец дня; путь из раздевалки мимо доски распоржений начальства. Что это за «телеграмма-молния»?! Такого чуда у нас ещё не бывало. «Комсомольский прожектор» поздравляет комсомолок Валентину Колодееву и Надежду Тюленеву с выполнением нормы, что позволило «расшить узкое место на сборке стратегически важного изделия». И желает, чтобы мы «Вперёд и выше!» Да, наша операция перестала быть «узким местом», а ещё через пару дней мы смогли взять и «выше». Водяные пузыри на ладонях помаленьку задубевали в нормальные трудовые мозоли.

Глава 29

«У НАС НОНЧЕ СУББОТЕЯ...»

Субботним ранним утром, увидев меня экипированной «для уличных работ», мама спросила: «И что это ты, дружок, так рано поднялся, куда ж ты взыскался?» – я захохотала: «Ну ты, мам, про меня, будто я поп – толоконный лоб! Городской же комсомольский субботник! Сейчас девчонки за мной зайдут!» – «Почему с вечера не сказала, Надюша? А я думала, ты мне кой в чём по хозяйству можешь?» – «Так и ты же мне ничего не сказала, мам! Давай на завтра по хозяйству отложим, а?! Я всё-всё-всё, что скажешь, буду делать!» – «На воскресенье, доченька?! Как же ты не обратила внимания, что ни я, ни одна из твоих бабушек в воскресенье, по крайней мере, грязную работу старались не затевать...» – «Не-а... А и правда... Ни постирушек, ничего такого. Ну да, ну да... По воскресеньям же в церковь раньше ходили... Так в Кургане их ни одной не осталось! Да и ходить-то поди уж некому... Но хотя бы и рядом с нашим домом церковь стояла, разве пошла бы ты, мам? Помню я, как мы утром бабушку Сашу похоронили, а ночью при Луне, взяли на телеге крест, завёрнутый в покрывало, на могилку устанавливать. Дедушка Егор Новоторженцев, вы с Лёлей Галей и я... Видела я твой комсомольский билет, мамочкина!»

– «Ну, из комсомола к тому времени я уже по возрасту была. А вот то, что я учительницей была, эту «вину» сочли бы потяжелее!.. Коллега наша с Анной и её подруга, завуч Елизавета Петровна, так прямо и предупредила: «Голубушки, если принародно и белым днём вздумаете на могилку вашей родственницы крест воздвигать – обе из школы вылетите, ты, Евгения, – первая. И я вас не спасу. Буду защищать – так и сама вылечу. А у меня ребёнок и мать-старуха».– «Ну, мамуся, как хорошо теперь, правда? Ни церквей, ни крестов, ни отпеваний! Тумбочку под красной звездочкой поставил – да и стой она себе. Вот ещё три ритуальных горсти земли не запрещено. Зато барабанить и в трубы дудеть – сколько хотите. Да?» Мама не ответила мне: за моей спиной открылась дверь из комнаты Гусевых и появилась Лида: «Видела, ты уже на плите бак наладила, бельё кипятить собралась... Мне бы тоже надо... Вдвоём – опять пару напустим!..» Смотрю, мама уже готова извиняться, и весело спрашиваю соседку: «И шо за лыхо, тётечко Лидочка, будэ парилка – будэмо париться!» – «Надя, зайди в свою комнату, что-то сказать хочу.. А как лучше использовать наше кухонное пространство, мы с Лидой всегда договоримся. Правда же, Лидочка?» – «Знамо дело, – сказала Лидочка, – надо же как-то уживаться» – и скрылась в своей комнате.

«Зачитница!» Эк из тебя крапива-то мигом выскакивает!» «Да что, мам, она же в декретном – и в любой день может, а у тебя только суббота!» – мама ничего не сказала на это. (И только теперь, став глубокой и одинокой старухой, я со стыдом, и опять физиономия огнём горит, думаю: «А что мне-то, молодой здоровой девице, было не взять стирку эту на себя, хоть время от времени? Нет, я летела делать «общественно-полезные дела», помогать кому угодно. Только не маме! Зачем, она же такая молодая, и даже сильнее меня, мы же с ней как подружки).

«Ладно, иди уже, что ли! – сказала мама. – Вон твои подружки у подъезда появились. Ведь голодная!» – «Не подружки они мне, подружки у меня – «сошкольные», просто вместе работаем, и они в соседнем общежитии живут». – «Так ведь тоже голодные! Зови их чаю попить». – «Нет, и так опаздываем! А нам пешедралом ещё через виадук чапать!.. Я коржик возьму, мама? Не до вечера же мы будем. Ещё к обеду домой вернусь!» – «Любительница коржиков! И что ты одна грызть будешь, а девочки, глядя на тебя, слюнки глотать? Забирай уж все – я к

чаю крендельков с маком испеку».– «Ой, мамуся, ну, я прямо не знаю, какая ты у меня!» – я кинулась к маме с обнимашками, она легонько отстранила меня: «Тихо-тихо, медведущка».

Глава 30

ЭТО КТО ТАМ ПИНАЕТСЯ?!

Хороший сквер мы заложили осенью 1956 года. Кустарник высадили, он бодро перезимовал; за весну 1957 года отлично укоренился; на клумбы цветочную рассаду уютненько – не кое-как разместили; чёрную чугунную ограду установили на белый кирпичный фундамент... Театр от такого соседства ещё больше похорошел и не смотрелся инопланетянином среди неубранного строительного хлама, закамуфлированного буйными сорняками...

Пошло фестивальное поветрие – устраивать скверы и клумбы на каждом пустом куске земли... Следом после театрального мы, как на работу, стали выходить на разбивку сквера соседнего с нашим «почтового 18».

А после того, первого нашего субботника, я плелась домой, с ужасом представляя, как мы с мамой сейчас начнём заниматься домашними «хозработами». Вошла во двор, а она снимает с верёвки белье. Пробудившийся к вечернему разгулу ветер пытается вырвать из маминых рук простыню, которая косым парусом взмывает вверх. Вижу маму будто впервые. Худенькая. В трикотажном халате, словно в коконе. Трогательной сферой выпячивается беззащитный животик. Ещё миг, и ветер-таки одолеет мою маму и унесёт вместе с простыней. Я рванулась к ней, и вместе мы победили порыв ветра. Мы почти слились в едином усилии, и я уловила, как пнул кто-то меня в бок из мамино живота. Мы встретились взглядами. В её очах – плескалось тишайшее ликование; что в моих было – не знаю. «Ты «сумасошлатая», мамка! Не одетая на такую ветрюгу вылетела! Оставь таз. Я дособеру!!!»

Когда я вошла домой и стала развешивать на уже протянутой мамой верёвке, ещё немного влажное белье, мы принялись полегоньку ворчать друг на друга. «Ну, вот что ты творишь, мамка! Не успел отец «на точку» уехать – ты уже вольничает! Птенчиком нашим рискуешь!» – «Это ты про погоду, что ли?! Я, донька, родилась в Омской степи в самую свирепую пургу! У меня против простуд на всю жизнь прививка». – «Это что – из сказок Онисьи Егоровны Сухогузовой?

Ты же, мамашна, в Челябинском Каштаке на свет появилась!!!» – «Ах, доченька, это история, покрытая мраком неизвестности... Иди, приведи себя в порядок, я поесть накрою. Что-то с аппетитом своим совладать не могу – «без остановки» кушать хочется».– «Растёт человек, – как бывалая, изрекла я. – А отец-то знает?.. Что человек уже пинается... То ли футболист. То ли балерина...» Умытая, переодетая в домашнее, подошла к маме: «Можно нашу капельку послушать?» Мама сидела на диванчике перед столом, и я встала на колени рядом, приложила ухо к её животу. Капелька затаилась. «В четверг мы, как обычно, на «завалинке» сидели (солнышко к обеду что-то раскочегарилось), и проходила мимо беременная молодайка. Зоя они её называли. Одна из пожилых сказала: «Парнишку носит – точно!» Все стали смеяться: «Рентген у тебя в глазу что ли?» – «Сами увидите потом, правильные ли мои приметы! Животик у неё востренький, как яичко с вострого конца. А лицо всё в пигментных пятнах. А когда девчонку носят – животик сглаженный, на шапочку гриба похожий. И личико у мамки чистенькое». Мам, а у тебя личико чистенькое. И животик уютно-кругленький... А папа кого хочет?» – «Мужика! Сына он хочет. Александра. Сашу!» – «А Сашей-то назвать сына хочет в память о героической теще, георгиевском кавалер-девице Александре Яковлевне Шарловой?» – «Нет, Надюша! Он ведь на гулаговском ледокольном пароходе помощником механика плавал, и пароход тот ледокольный «Александр Невский» назывался». А у капитана сыночек маленький был, Саша, такой славный толстячок, как белый медвежонок. Портретик его капитан носил в кармане кителя; фотография побольше была в капитанской каюте. Отец все те, лагерные, годы мечтал, как вернётся, и у нас в семье появится такой же, похожий на белого медвежонка бутуз. Александр! Саша».– «Не вздыхай, мамуська: кто ни родится – папа Котик счастлив будет!»

*(Продолжение в книге третьей
«С крестом и без Христа,
с Христом и без креста»).*

ОГЛАВЛЕНИЕ

1 глава. Кто хозяин за партой	3
2 глава. Траурный почётный караул	4
3 глава. Что у неё под обложкой дневника?	6
4 глава. Слава Богу, не «вышибли»	9
5 глава. Мертворождённая же была идея!	10
6 глава. Отлучение от математики	13
7 глава. Гуляем на свои, «картофельные!»	16
8 глава. Не ржавеет и не старится	18
9 глава. «Театралки»	19
10 глава. Искушение медалью	25
11 глава. Ковырок или кувырок	27
12 глава. Наглядное пособие: как себе вредить	32
13 глава. «Не отрекайся – мне сказали...»	34
14 глава. «Никакие задачки она не решала!»	37
15 глава. День Пятницы и Робинзона Крузо или Прощание с детством	39
16 глава. Вреднючка	43
17 глава. Карга-совесть спать не даёт	54
18 глава. «Ну вот, а ты боялась!»	57
19 глава. «А если спросят про это ?»	58
20 глава. Хоть погибай, но товарища любой(?) ценой выручай	61
21 глава. «МООС» или просто «Мося»	65
22 глава. Ночная трапеза – не полезно, но... как полезло	69
23 глава. «Шибко в комсомол хотелось?»	72
24 глава. Квадрига распалась	75
25 глава. Молочная (Считай, отступление)	78
26 глава. На завалинке	84
27 глава. Лама Гусак	87
28 глава. Такие вот «чевойтонабиватели!»	89
29 глава. «У нас нонче суббота...»	91
30 глава. Это кто там пинается?!	93

Надежда Константиновна Тюленева
ДЕТСТВО – НАША КЛАДОВАЯ СОЛНЦА
(Часть 2-я из книги «Родные человеки»)

Исторические записки

Корректоры

С. Ф. Люкшина, Л. Н. Кузнецова

Подписано в печать 15.12.2024 г.
Формат 60x84/16. Гарнитура «Прагматика». Бумага офс.

ОРИГИНАЛ-МАКЕТ

**Все права на распространение и тиражирование
данного сборника принадлежат автору
и производятся только с его разрешения и согласия.**